

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
АВТОМОБИЛЬНО-ДОРОЖНЫЙ ИНСТИТУТ

М. А. Шипович

**ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ.
Повседневная жизнь детей
в военные и послевоенные годы
(1941–1955 гг.)**

МОНОГРАФИЯ

Горловка
2020

УДК 94(47)
ББК ТЗ(4Рос)6
Ш 63

*Рекомендовано к печати решением
ученого совета Автомобильно-дорожного института
ГОУВПО «Донецкий национальный технический университет»
(Протокол № 5 от 25.03.2020 г.)*

Рецензенты:

Саржан А. А. *д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой
истории и права ГОУВПО «Донецкий националь-
ный технический университет»*

Крутова Л. А. *канд. ист. наук, доц., доцент кафедры
истории России и славянских народов ГОУВПО
«Донецкий национальный университет»*

Шипович М. А.

**Ш 63 Детство, опаленное войной. Повседневная жизнь
детей в военные и послевоенные годы (1941–1955 гг.) :**
монография / М. А. Шипович. – Горловка: ГОУВПО «ДОНН-
ТУ» АДИ, 2020. – 83 с.

Монография посвящена изучению повседневной жизни «детей войны» в военные и послевоенные годы. Исследование основано на использовании уникальных источников – интервью преподавателей и сотрудников АДИ ГОУВПО «ДОННТУ» и фокусируется на условиях проживания, досуговом пространстве, способах и средствах социализации детей в условиях военных, политических, социальных и культурных событий, которые переживала страна.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 94(47)

© М. А. Шипович, 2020
© АДИ ГОУВПО
«Донецкий национальный
технический университет», 2020

Содержание

Предисловие.....	5
Глава 1. Повседневная жизнь детей в годы войны	10
1.1. Начало войны и жизнь в оккупации.....	10
1.2. Соппротивление оккупантам	14
1.3. Жилищные условия	15
1.4. Роль женщины-матери в годы войны	16
1.5. Распорядок дня	17
1.6. Питание в годы войны. Голод.	18
1.7. Болезни и медицинское обслуживание	20
1.8. Досуговое пространство: игрушки, праздники	21
1.9. Особенности детского гардероба в годы войны.....	23
1.10. Детские страхи и мечты.....	24
1.11. Самоотверженность детей – часть военной повседневности.....	24
Глава 2. Условия жизни детей в послевоенные годы	26
2.1. Завершение войны. Надежды на улучшение жизни.....	26
2.2. Возвращение фронтовиков.....	26
2.3. Жилье. Одежда.....	28
2.4. Голод 1946–1947 гг. Рацион питания	29
2.5. Жизнь в колхозе. Подсобное хозяйство.....	33
2.6. Труд подростков.....	37
2.7. Медицинская помощь	39
Глава 3. Послевоенная школьная повседневность.....	40
3.1. Семилетний всеобуч.....	58
3.2. Учительские кадры	59
3.3. Возраст поступления в школу. Контингент учащихся.....	60
3.4. Условия обучения	62
Глава 4. Воспитание подростков. Формирование мировоззрения	64
4.1. Участие в детских и молодежных общественных организациях	64
4.2. Спортивная подготовка. Кружки. Творчество.....	65
4.3. Организация досуга	66

Глава 5. Социализация детей в послевоенные годы	71
5.1. Взаимоотношения с соседями	71
5.2. Отношение к военнопленным.....	72
5.3. Праздники	74
5.4. Известие о смерти И. В. Сталина в детском восприятии	74
Послесловие	75
Список источников и литературы	80

Предисловие

Чем дальше от нас события Великой Отечественной войны, тем труднее новым поколениям понять источники беспримерного мужества, самоотверженности и массового героизма советских людей, представить себе весь трагизм тех лет и событий, подлинное всемирно-историческое значение Великой Победы. Проблема сохранения исторической преемственности, передачи накопленного опыта, чувства гордости за героическое прошлое выступает в настоящее время в качестве одного из наиболее острых, ключевых вопросов развития современного общества.

Все мы являемся свидетелями начала новой эры в послевоенной истории: уходит поколение участников и даже малолетних свидетелей Великой Отечественной войны. Как следствие, постепенно стирается «живая память» о войне, все меньше ее остается в личной памяти очевидцев.

Для сохранения памяти о войне в ряде регионов России был запущен социальный проект «Дети войны: воспоминания о тыловой повседневности». «Никто не делал на этом акцент раньше, в центре внимания всегда были фронтовики и труженики тыла. Однако теперь, когда многие «дети войны» уже тоже стали уходить из жизни, важно запомнить их детские ощущения. Чем они жили, какие интересы и желания были в то время? В отечественной историографии пока мало таких исследований. Тыловая повседневность глазами ребенка пока остается «белым пятном», – подчеркивает доктор исторических наук Александр Коновалов [1].

Данный опыт лег в основу социально-исследовательского проекта «Детство, опаленное войной», запущенного в Автомобильно-дорожном институте ГОУВПО «Донецкий национальный технический университет». Участниками проекта стали преподаватели и сотрудники института, рожденные в период с 1936 г. по 1941 г., выразившие желание поделиться воспоминаниями о военном и послевоенном детстве:

Высоцкий Сергей Павлович – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экология и безопасность жизнедеятельности». Родился в 1936 г. в с. Запрудье Киевского района Киевской области, Украина.

Ефремов Николай Федорович – старший преподаватель кафедры «Математическое моделирование». Родился в 1940 г. в с. Курулька Барвенковского района Харьковской области, Украина.

Намаконов Борис Васильевич – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Автомобильный транспорт». Родился в 1940 г. в пос. Южно-Енисейск Удерецкого района Красноярского края, РСФСР.

Пиндус Богдан Иванович – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Автомобильные дороги и искусственные сооружения». Родился в 1941 г. в с. Тышковцы Городенковского района Ивано-Франковской области, Украина.

Склифос Вадим Андреевич – заведующий лабораторией кафедры «Автомобильный транспорт». Родился в 1944 г. в с. Петровское Каменка-Днепровского района Запорожской области, Украина. Умер 08.11.2019 г.

Ставцев Валерий Васильевич – ведущий инженер кафедры «Общеинженерные дисциплины». Родился в 1941 г. в г. Барановичи Брестской области, БССР. В годы войны проживал с матерью в пос. Веселый Знаменского района Орловской области, РСФСР. Умер 02.10.2019 г.

Судак Федор Маркович – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Автомобильный транспорт». Родился в 1938 г. в с. Дятиловка Славутского района Хмельницкой области, Украина.

Чальцев Михаил Николаевич – доктор технических наук, профессор, директор Автомобильно-дорожного института ГОУВПО «ДОННТУ», заведующий кафедрой «Общеинженерные дисциплины». Родился в 1941 г. в пос. шахты «Комсомолец» г. Горловки Сталинской (ныне Донецкой) области, Украина.

Черный Николай Ефимович – бывший заведующий кафедрой «Физическое воспитание», инструктор студенче-

ского клуба. Родился в 1941 г. в пос. Кузнецовка г. Горловки Сталинской (ныне Донецкой) области, Украина.

В осуществлении проекта приняли участие студенты-волонтеры: Анна Есипова, Александра Охрименко, Анна Лахнова, Владислав Бриллиантов, Дмитрий Зеленский, Даниил Молчанов, Федор Молозин, Андрей Черный, Игорь Грецкий, Анна Фесенко, Алина Птуха и многие другие. Ребята встретились и побеседовали с каждым участником исследовательского опроса. Материалы полученных интервью легли в основу научных работ, подготовленных студентами Максимом Гострым и Анной Загоруйко и представленных на 8-м открытом общегородском (2019 г.) [2] и 1-м международном (2020 г.) [3] конкурсах научных работ молодых исследователей истории по проблемам Второй мировой и Великой Отечественной войны. Материалы данных работ были использованы при написании предлагаемого исследования.

Интерес в процессе изучения детской повседневности представляет собой как военное время, так и первое послевоенное десятилетие.

Послевоенный период является одним из ключевых этапов в развитии советского государства и общества. В эти годы практически без изменений оставались политическая и экономическая системы СССР, однако в обществе происходили большие перемены, связанные с формированием комплекса надежд и ожиданий после победоносного завершения войны. Эти ожидания создавали особый психологический настрой послевоенных лет: гордость за свою страну и за свой народ, ощущение самодостаточности и способности выживания, стремление к процветанию. В условиях поствоенной повседневности формировались чувство патриотизма и гражданская идентичность как сопричастность к своей Родине.

Глубже проникнуть в эти процессы, по-новому взглянуть на них позволяет изучение истории повседневности и культуры детства. Именно в детском возрасте начинается становление идентичности, закладываются основы отношения к себе и к миру, формируется способность оценивать окружающую действительность и действовать в соответствии с собственными представлениями и установками.

Проект и научное осмысление его результатов актуальны с точки зрения событий, которые переживает Донбасс сегодня. В результате войны, развязанной фашистским киевским руководством против жителей Донбасса в 2014 году, вот уже шесть лет льется кровь ни в чем не повинных людей. По сведениям Дарьи Морозовой, уполномоченного по правам человека в Донецкой Народной Республике, озвученным 14 ноября 2019 года, в ходе конфликта на территории Республики погибло 4 884 человека, в том числе 81 ребенок [4]. Исторические параллели очевидны. Как и их прадеды 75 лет назад, дети современного Донбасса также переживают ужасы войны. В этих условиях в Донецкой Народной Республике оказывается повышенное внимание детству и детям. Изучение и переоценка опыта в решении «детских» вопросов в военное и послевоенное время позволят обществу выстраивать социальную политику защиты детства сегодня.

Проблемы, касающиеся жизни детей в годы войны и отдельных аспектов детской послевоенной повседневности, получили отражение в научных трудах таких отечественных и зарубежных авторов, как Ж. А. Агапов, Ф. Арьес, Х. Вельцер, Д. Вебер, А. Гавриленко, И. Гофман, В. М. Дементьев, И. М. Есип, Е. Ф. Кринко, И. В. Юрчук, М. С. Зинич, С. Г. Леонтьева, Г. И. Марьяновский, А. Г. Наумова, Н. Л. Пушкарева, Г. Д. Селянинова, А. М. Синицын, А. Г. Харчев, В. М. Коренюк, Л. Улицкая, М. В. Ромашова, Е. В. Абашкина, М. А. Рыблова, В. О. Марченко, Н. Д. Демьяненко и др. Проведенный исторический анализ показал, что, по существу, нет ни одной работы, в которой военная и послевоенная жизнь детей разных возрастных групп – дошкольников, младших школьников и подростков исследовалась бы комплексно. Этим, а также уникальностью источниковедческой базы объясняется научная новизна предлагаемого исследования.

Методологический потенциал современной исторической науки позволил изучить подробности повседневной жизни детей военных и послевоенных лет «изнутри» – такими, какими их запомнили современники тех далеких событий. При этом были учтены как конкретно-исторические

условия жизни страны, так и специфика регионов, в которых проходило детство участников опроса: отдельные населенные пункты Ивано-Франковской, Хмельницкой, Киевской, Харьковской, Сталинской (ныне Донецкой), Запорожской областей Украинской ССР, Орловской области и Красноярского края РСФСР.

Автор выражает признательность преподавателям и сотрудникам Автомобильно-дорожного института ГОУВПО «ДОННТУ» за предоставленные интервью. Без их терпения и понимания вряд ли удалось бы собрать материал для этой книги. К сожалению, в 2019 году ушли из жизни В. В. Ставцев и В. А. Склифос. Их интервью стали достоянием истории.

Выражаю благодарность директору института М. Н. Чальцеву. Без его заинтересованной поддержки, живого участия и советов социально-исследовательский проект не состоялся бы.

Выражаю благодарность моим коллегам: Л. А. Крутовой, доценту кафедры истории России и славянских народов ДонНУ; Е. В. Чубучной, заведующей кафедрой «Общественные науки» АДИ ГОУВПО «ДОННТУ»; В. В. Семененко, заведующей Центром организации отношений в сфере образования АДИ ГОУВПО ДОННТУ; Н. Ф. Курган, заведующей редакционно-издательским отделом АДИ ГОУВПО ДОННТУ, которые ознакомились с рукописью книги и сделали интересные и полезные замечания.

И, конечно, я благодарю моих родных и друзей за понимание и моральную поддержку во время работы над книгой.

Глава 1. Повседневная жизнь детей в годы войны

1.1. Начало войны и жизнь в оккупации

В воскресенье, 22 июня 1941 года, на рассвете, войска фашистской Германии без объявления войны внезапно атаковали всю западную границу Советского Союза и нанесли бомбовые авиаудары по советским городам и воинским соединениям. Возникла острая необходимость в массовой эвакуации населения из западных областей страны. Эти события нашли отражение в воспоминаниях В. В. Ставцева: «Мой отец, кадровый офицер Советской Армии, Ставцев Василий Моисеевич, вместе со своей семьей (жена, двухлетняя дочка и теща) находился в это время по долгу службы в Брестской области, город Барановичи, где я и родился в январе 1941 г. Через пять месяцев, 22 июня, начались страшные годы войны. Отец поручил ординарцу загрузить свою семью в железнодорожный эшелон для эвакуации гражданских лиц. А сам отбыл на фронт. Тем временем немецкая авиация не дала возможности эшелону далеко отойти от Барановичей. На выезде из города его разбомбили, и немцы начали охоту за каждым гражданским лицом. Мои родные побежали в лес, чтобы спрятаться. Но меня, запеленатого, на руках у бабушки не оказалось и пришлось бежать назад. У вагонов раненый офицер-красноармеец кричал: «Чей ребенок?!» – и держал младенца над головой. Мама с бабушкой подбежали, схватили меня и побежали обратно в лес. Передвигаться в толпе беженцев всей семьей через всю Беларусь в Орловскую область было тяжело» [5].

После вторжения войск нацистской Германии на территорию СССР в июне 1941 г. зона оккупации расширялась, включая все новые области. К осени 1942 г. европейская территория СССР была занята немецкими войсками вплоть до Северного Кавказа.

«Практически все бывшие советские органы на оккупированной территории были распущены, общественные организации – запрещены. В городах создавались управы, в сельских районах – комендатуры. Вся полнота власти в

районах (волостях) принадлежала соответствующим военным комендантам. В волостях назначались старшины (бургомистры), в деревнях и селах – старосты. Порядок в сельских районах обеспечивали полицейские, в крупных населенных пунктах – подразделения СС и охранные части. Наряду с немецкими военными и административными органами власти существовали учреждения местного самоуправления с полицией. Для разбора уголовных и гражданских дел, не затрагивавших интересы германской армии, действовали мировые суды.

Деятельность местных учреждений была направлена на исполнение приказов и распоряжений немецкого командования, осуществление политики и планов Гитлера в отношении оккупированного населения» [6].

Раннее детство семи человек из девяти опрошенных проходило в условиях оккупации.

Проживавший в Хмельницкой области Украины, Ф. М. Судак вспоминает, что его деревня была оккупирована в первые недели войны: «Летали самолеты, и мы с братьями и сестрами прятались в яме, которая была вырыта недалеко от хаты, на огороде». В годы оккупации немцев в их деревне практически не было. «Приезжали полицаи, коменданты, что-то раздавали – какие-то бумаги». Сельской общиной, оставшейся после колхоза, управлял староста, односельчанин. Он исполнял директивы новой власти, но по возможности и помогал односельчанам. Например, предупреждал людей, которых должны были отправлять на принудительные работы в Германию. Кроме того, Федор Маркович вспоминает о том, как местных жителей заставляли работать в хозяйствах, основанных на базе бывших колхозов: «Люди, как в колхозе, по сути дела, принудительно ходили на работу и продолжали обрабатывать землю. Куда шли результаты этого труда – можно только гадать. Никто, в принципе, особо над этим не задумывался» [7].

То же об организации управления оккупантами рассказывает Б. И. Пиндус, проживавший с родителями в Ивано-Франковской области Украины. Различие состояло лишь в том, что старост и полицеев присылали к ним в деревню из районного центра [8].

Михаил Николаевич Чальцев, родом из поселка шахты «Комсомолец» города Горловки вспоминает, что гражданское и военное управление осуществлялось комендатурой. Для организации взаимодействия с местным населением был привлечен местный житель – Федор Ламизов, грек по национальности, хорошо знавший немецкий язык. Также Михаил Николаевич запомнил рассказ родителей о том, как оккупанты боролись с грабежами и воровством среди местных жителей: «Когда пришли оккупанты, немцы, было достаточно серьезное воровство и грабеж на этой территории. Ходили такие «ловкие» люди. Что сделали немцы? Где-то в декабре поймали одного вора, повесили его на площади шахты «Комсомолец», в центре. Написали у него на груди «Вор» по-немецки и по-русски. И обмазали его смолой. Провисел три месяца – до весны. Это была такая агитация против воровства, что никто больше не закрывал двери» [9].

Свободу пребывания детей на улице ограничивали оккупационная администрация, которая ввела «комендантский час», и родители, опасавшиеся за жизнь своих детей. Николай Федорович Ефремов вспоминает: «В период военных действий, насколько я помню, никуда за пределы деревенского нашего двора не выходил. Да это и не было возможно» [10].

«Массовый угон советских граждан при отступлении фашистских войск с советской территории являлся частью политики «выжженной земли». Вместе с мероприятиями по разграблению и опустошению угон советских людей должен был, по замыслу правителей фашистской Германии, превратить оставляемые районы в буквальном смысле слова в мертвые зоны, в которых не должно оставаться не только материальных, но и никаких «пригодных» людских ресурсов» [11]. Об этом вспоминает Н. Ф. Ефремов: «Осенью 1942 года нас и еще несколько семей под присмотром полицаев эвакуировали (а точнее – этапировали) на запад. На повозках, запряженных коровами, дошли до Днепра и переправились на другой берег. В результате контрнаступления советские войска освободили эвакуированных людей, и мы возвратились в родное село» [10].

Дети, как и взрослые члены семьи, по-разному приспособивались к жизни рядом с врагом. Так, С. П. Высоцкий вспоминает: «Я помню, что у нас в доме был красивый портрет Т. Г. Шевченко. Староста (или полицай) пришел и говорит: «Если вы хотите, чтобы вас не выслали, и вы были как-то защищены, то повесьте портрет Гитлера». Гитлер висел рядом». Сергей Павлович подчеркивает, что оккупанты вызывали у детей, прежде всего, страх: «Немцы, помню, когда отступали... У нас в доме скатерть была. Пасха. Скатертью застеленный стол и стояло что-то приготовленное. Немцы поставили пулемет на этот чистый стол, еду всю сбросили. И они были, конечно, очень злые. Мы боялись как-то их разозлить» [12].

Тем не менее не все оккупанты в риторике «детей войны» могут быть классифицированы как потенциальные враги, внушающие страх. Некоторые немцы, жившие в домах мирных жителей, помогали им продовольствием и хозяйственными товарами, бывшими в цене, особенно в сельской местности. Нередки были случаи, когда оккупанты угощали детей сладостями. Многие дети боялись быть отравленными и не брали еду, а если все же брали, то редко ее съедали. Сергей Павлович Высоцкий рассказывает: «И немец, наверное офицер (были какие-то звездочки), дал мне конфету. Вы понимаете, если лакомством был хлеб с сахаром, конфета эта была суперлакомством. Но я эту конфету не ел. Я пришел домой. Помню, что я маме сказал: «Вот, это немец дал». И я побоялся, что эта конфета отравленная. Мама мне сказала, что не бойся, немцы тоже бывают разные. Бывают и такие, и такие» [12]. Судак Ф. М. вспоминает, что расквартированные в их доме немцы не зверствовали: «Они не обращали на нас внимания». Иногда они угощали детей «какими-то конфетами» [7].

1.2. Сопротивление оккупантам

Жестокая оккупационная действительность вызывала протест местного населения, приводила к росту партизанского движения.

Отец М. Н. Чальцева не принимал участия в партизанском и подпольном движении. Однако, когда немцы вошли в их населенный пункт, он помог спастись убегавшей от карателей еврейской девушке. «Отец рассказывал: «Я как глянул – с той стороны появились немецкие солдаты и уже бежать некуда. Ну куда она побежит?». Он взял ее за руку, запер на чердаке, забросал каким-то сеном, кукурузой и приказал молчать. У отца пятеро детей, семья. Ему за сокрытие – расстрел неминуемый. Но это был душевный порыв – сочувствие. И он спрятал... Немцы кричали: «Юда! Юда! Юда!», а он пожал плечами: не понимаю ничего. И они ушли. Девушка пробыла на чердаке нашего дома несколько часов, пока все утихло. Потом ее оттуда выпустили, дали кусок хлеба, и она пошла по направлению к Никитовке. Дошла она туда, не дошла – неизвестно. Но отец проявил вот такое участие, неповиновение властям» [9].

Ефремов Н. Ф. вспоминал о том, как его мама помогала партизанам, действовавшим в лесах под Изюмом и Славянском: «Когда уже вступили немцы, партизаны приходили к нашему двору ночью за продуктами. Подход из леса был по оврагам и балкам. Мама говорила, что в окно ей стучали, и она выходила. И, наверное, это стало кому-то известно. Где-то оно всплыло. В одно прекрасное время: стук. Но стук совершенно другой, не тот стук. Наверное, то ли немцы, то ли полицаи, или еще кто – проверяли. Она не вышла. После этого случая мама предложила: «Как-то давайте организуем. А то вдруг их поймают? А у меня пятеро детей. Как быть?» Ну, и согласились на том, что она будет оставлять сумку с продуктами в определенном месте. Потом так и было: партизаны приходили, забирали сумку с продуктами и уходили» [10].

Ставцев В. В. рассказывал, что за помощь партизанам «был донос на бабушку. И последовавший за ним приказ включить всю нашу семью в список для расстрела. Но

бабушке с помощью свидетелей удалось доказать, что она нередко помогала и рядовым немцам, которые нуждались в куске хлеба, в печеной картошке, яблоках и т. д. Немцы подтвердили, что она часто ходила и раздавала всем и им, в том числе, яблоки» [5].

1.3. Жилищные условия

Условия проживания детей в годы войны, независимо от их места жительства, были тяжелыми. Все интервьюируемые вспоминают, что жили в простых деревенских избах.

Родители М. Н. Чальцева построили дом перед самой войной: «Сподобились и построили себе, как в России называли, пятистенку. Изба это такая. У нас, на Украине, ее называли «хата». При СССР – называли «дом». Это был дом общей площадью, я думаю, 35–40 квадратных метров. И вот на этих 40 квадратных метрах жили восемь человек: родители, бабушка и пятеро детей. На ночлег устраивались так: отец с матерью спали в горнице на кровати, старшие дети в соседней проходной комнате – на полу. Для теплоизоляции расстилали брезент, набрасывали на него фуфайки и несколько одеял» [9].

Судак Ф. М. вспоминает: «Ну что представляла собой деревенская хата? Если вам интересно, я могу сказать, что это, собственно, хата, которая имела комнату и маленькую кухоньку, земляной пол там был и какие-то настельники». Отступая, в январе 1944 года, немцы заняли их село, расквартировались и в их доме. Однако семью не тронули, жили рядом» [7].

Бабушку С. П. Высоцкого вместе с детьми выселили в «какой-то куренек» [12].

Намаконов Б. В., детские годы которого прошли вдали от фронта, в поселке Южно-Енисейск Красноярского края, отмечает: «Дом наш был построен отцом еще в 1940 году. Кухня такая маленькая, квадратов, может, на 10–15 и комната была квадратов, наверное, 18–20. Мы там жили. Разумеется – печка, проблемы с дровами были» [13].

1.4. Роль женщины-матери в годы войны

С началом войны практически все трудоспособное мужское население ушло на фронт. Воевал и погиб в Белоруссии отец С. П. Высоцкого [12]. В 1944 году был призван в армию отец Ф. М. Судака и, к счастью, возвратился живым [7]. Трагична судьба отца Б. В. Намаконова. Он был хорошим токарем и поэтому получил бронь, однако рвался на фронт. В конце 1944 г. – начале 1945 г. был призван в армию, а через два месяца погиб [13]. Сражались на фронтах Великой Отечественной войны отец В. В. Ставцева – кадровый офицер и его четыре брата [5]. Отец М. Н. Чальцева не был призван в армию, так как имел инвалидность. На фронте сражались два его брата – Григорий Иванович и Андрей Иванович. Андрей Иванович погиб [9]. В 1942 году добровольцем ушел на фронт вместе с отступающими частями Красной Армии отец Н. Ф. Ефремова. Николай Федорович вспоминает: «Погиб отец под Запорожьем, в селе Александровка. И похоронен он там же. Его фамилия на памятнике есть» [10]. Воевал и возвратился живым отец Н. Е. Черного [14].

Отсутствие мужчин обусловило изменение привычного распорядка жизни женщин и детей. Женщина выполняла теперь по дому как традиционно женские, так и мужские обязанности: вынуждена была много работать, чтобы прокормить семью. Такая судьба выпала матерям семерых из девяти опрошенных респондентов.

Высоцкий С. П. в своем интервью подчеркивает: «Самое сложное, самое трудное – это судьба женщины во время войны» [12]. Тяготы, которые выпали на плечи матери, Б. В. Намаконов описывает так: «Отец погиб в 1945-м, а мы остались. Четверо детей, от трех до тринадцати лет, с одной матерью. Мать работала дворником. Какие там зарплаты» [13].

В результате такой смены ролей многие дети с раннего возраста были обделены вниманием. Чальцев М. Н. вспоминает о том, как его мать ходила пешком за 200 километров на Сахновщину под Харьковом менять вещи на продукты: «Мне было несколько месяцев, мама была вынуждена оставить бабушке младенца, и пойти менять.

Она не одна пошла, конечно, с компанией. Принесла нам пять килограммов мерзлой картошки и еще чего-то» [9].

Государство стремилось оказать помощь в воспитании и образовании детей на неоккупированных территориях. Многие дошколята посещали детские сады и ясли. Намаконов Б. В. вспоминает: «Детьми мать отправляла нас на постоянный пансион, на недельный пансион: в ясли или в детсад» [13].

1.5. Распорядок дня

Распорядок дня детей в военные годы выстраивался с учетом помощи матерям в домашнем хозяйстве. К детским обязанностям относились: уход за домашними животными, наполнение баков питьевой водой, присмотр за младшими братьями и сестрами. Войну отличал тяжелый труд, который выпал на плечи маленьких детей.

Высоцкий С. П. вспоминает: «Чем я занимался во время войны? Надо сказать, что меня поражает, что тогда даже дети в шесть лет имели обязанности. Вот я должен был делать то-то и то-то. У меня мама на работе, помню, когда мне было 8–9 лет, и уже поздно, уже темно, а мамы с работы нет, потому что она на поле каком-то далеком. Я уже привязал корову. И корова мычит, ее надо доить. Я пробую доить корову, а она не дается. Я, может быть, пару литров все-таки надоил, а потом пустил теленка. Вот это я помню. Обязанности были – убрать дома, подмести, корове надо было нарвать какой-то травы, чего-то накосить. Я помню, что сестра была не столь организована, и меня это страшно злило. А ей было всего пять лет» [12]. Ефремов Н. Ф. в годы войны был под присмотром старших сестер. Он был самый младший, и все внимание уделяли ему [10]. Пиндус Б. И., которому исполнилось четыре года в 1945 году, вспоминает: «Кто постарше – вместе с родителями в поле, кто помладше – кормили скотину: корову, козу или еще кого-то» [8].

1.6. Питание в годы войны. Голод.

Голод в годы войны во многом изменил человеческие взаимоотношения, способствовал, к сожалению, проявлению негативных человеческих качеств. Как себя чувствовал ребенок? Менялось ли у него отношение к людям? Как он себя вел, испытывая голод? Изучение воспоминаний детей войны приводит к выводу о том, что чувство голода заставляло их воспринимать жизнь лишь через стремление к насыщению. Желание удовлетворить первичные потребности брало верх над моралью, то есть представлениями о том, как должен поступать человек в тех или иных случаях. Так, оголодавшие дети порой не испытывали ни горестных, ни радостных чувств, а все из-за постоянного подсасывания в желудке. Ефремов Н. Ф. в своем интервью рассказывает: «Кушали? Да это очень и тяжелый, и сложный вопрос. Конечно, в начале-то были какие-то запасы. Но когда настало военное время, никаких продовольственных поступлений уже не было. Что, так сказать, где-то было, вот этим и питались» [10]. Намаконов Б. В. вспоминает: «Единственное, что я хорошо помню в военное и сразу послевоенное время – это голод. Голод, когда кусочек хлеба был самым лучшим лакомством. Я вот и сейчас не могу даже об этом говорить спокойно» [13].

Многие опрошенные делятся воспоминаниями о низком качестве пищи. Например, Ф. М. Судак отчетливо помнит: «Хлеб выпекался грубого помола, причем добавляли туда чечевицу. Добавляли туда и какую-то траву, которая не является ядовитой, листья растений. Условно можно было назвать это хлебом». Муку для такого хлеба изготавливали сами с помощью примитивных жерновов: «Делали самодельные жернова. Что они представляли собой? Два камня натуральных диаметром примерно полметра. Один камень был неподвижный, а второй подвижный. Специальными клиньями или устройствами зазор между этими камнями менялся, и вручную вращали эти жернова. Если ниже опустить – тяжелее крутить, но зато мягче помол, тоньше» [7].

Были случаи, когда голодные дети, рискуя жизнью, воровали продукты питания у оккупантов. Так, Н. Е. Чер-

ный вспоминает: «Они жили в доме. Мы жили в летней кухне. Немцы к нам не ходили. А я забрался к ним. У них еда всегда была. И на столе лежали куски сыра. Большие. Часть их я съел. Никто не поверит, что такой маленький ребенок мог столько съесть. Так пару раз я воровал у немцев сыр. И меня за это чуть не убили. Мать спасла» [14].

В деревне была возможность питаться за счет приусадебных участков и огородов. Но урожаи были невелики: сказывалась нехватка посевного материала, истощенная земля и неблагоприятные погодные условия. Судак Ф. М. вспоминал: «По сути дела, и в военные и в послевоенные годы велось только натуральное хозяйство. Употребляли в пищу только то, что выращивали. На приусадебном участке в основном была картошка. Выращивали сахарную свеклу, натирали ее, потом высушивали – что-то наподобие сахара использовали» [7]. Высоцкий С. П., вспоминая о рационе питания во время войны, говорит: «Рацион питания – это борщ. Все. Дай Бог, чтоб был черный хлеб. А самым лучшим лакомым деликатесом был черный хлеб, вмоченный в воду и посыпанный сахаром. Это был деликатес!» [12].

Голод изменял рацион питания детей. Привычные для них блюда становились редкостью. Дети ели крапиву, лебеду, одуванчики, лесную редьку, ягоды. Ефремов Н. Ф. рассказывает: «Мы, детвора, как начиналось лето, все съедобные травы использовали, ходили группками в лес, собирали землянику, всякие лесные фрукты: груши, яблоки дичку» [10]. Кроме того, дети вместе со взрослыми занимались заготовкой грибов. Намаконов Б. В. вспоминает: «Мы в Сибири росли, тайга нас выручала. Грибов я в детстве наелся столько много, что они мне сейчас даже противны, особенно маслята» [13]. «Что касается включения в рацион трав, грибов, ягод, то в данном случае, вероятно, мы имеем дело с никогда не угасавшими древнейшими архетипами человеческого сознания, пробудившимися в крайней ситуации, свидетельствуя о постоянстве сохранения связи человека с природой» – пишет исследователь Г. Д. Селянинова [15, с. 87–88].

Многие респонденты вспоминают как в детстве им приходилось есть пищу, приготовленную из мерзлой картошки. Судак Ф. М. говорит, что в его селе «на полях, после

того, как сошел снег, выкапывали прошлогоднюю гнилую картошку. И из этой гнилой картошки делали крахмал, пекли лепешки и т. д.» [7].

Основой деревенского рациона было молоко. Тем семьям, которым посчастливилось держать в хозяйстве корову, – повезло. На их столе было не только молоко, но и сметана, творог. К тому же молоко можно было продать или обменять. Однако надои молока с началом войны резко сократились, молока еле-еле хватало на семью, да и коровы-то были не у всех. Высоцкий С. П., Ефремов Н. Ф., Чальцев М. Н. в своих воспоминаниях говорят о том, что благодаря наличию коровы в хозяйстве их семьям удалось выжить в тяжелые военные годы [12, 10, 9].

1.7. Болезни и медицинское обслуживание

Тяжелые условия жизни, постоянное недоедание приводили к распространению заболеваний, которым особенно сильно были подвержены дети. Ефремов Н. Ф. вспоминает, что в годы войны из-за болезни и отсутствия медикаментов от воспаления легких умер его брат [10].

Из-за отсутствия элементарных санитарных и гигиенических условий увеличилось количество случаев заболевания инфекционными болезнями. Судак Ф. М. рассказывал: «Не было мыла. Изготавливали его каким-то образом сами. Были вши, была чесотка, были эпидемические заболевания, массово болели люди тифом. Причем во время оккупации, чтобы не посещали полицейские, писали на дверях домов: «карантин – тиф». Тогда немцы подальше держались от этих мест» [7].

В военный период многие семьи сами пытались лечить детей, не прибегая к помощи специалистов, которых, конечно же, не хватало. В деревне вообще было принято обращаться к «знахарям», которые лечили ребенка с помощью наговоров, не доверяя медицине. Судак Ф. М. вспоминает: «Естественно, что лечились тогда отваром трав, малиной, какими-то плодами дикорастущих деревьев, растений» [7].

1.8. Досуговое пространство: игрушки, праздники

Особое место в воспоминаниях детей занимает их досуговое пространство – поле, лес, река, водоем. У Высоцкого С. П. – это река Гороховка; у Ф. М. Судака – лес, водоем; у Б. В. Намаконова – тайга, «огромные поля жарков – сибирских тюльпанчиков» и, конечно, река Ангара; у Н. Ф. Ефремова – лес и небольшая речка; у М. Н. Чальцева – степные просторы Донецкого края, балки, овраги и ставок; у Н. Е. Черного – шахтные терриконы.

Дети оставались детьми, и, несмотря на тяжести военного времени, продолжали играть. На вопрос: «Были ли у вас детские игрушки?» Ф. М. Судак ответил таким образом: «Нет, абсолютно. Детьми, мальчишками, мастерили какие-то хатки из палочек и так далее. Девочки шили себе куклы. А игрушек, которые покупают, в принципе не существовало» [7]. Ефремов Н. Ф. отмечал: «Чем девочки занимались? Куклами. А чем можно было играть? Вот на этом и заканчивались их игры» [10]. Игрушки детям часто мастерили родные. Пиндус Б. И. вспоминает: «Кто мог сделать игрушку ребенку? Куклу-мотанку могла сделать бабушка, а мальчику не куклу, а какую-то лошадку» [8].

Были в обиходе и очень опасные металлические «игрушки», которые в большом количестве приносил внуку родной дед В. В. Ставцева, Егор Илларионович Илюшин. Добывались они из разбитой военной техники, во множестве оставшейся после ожесточенных сражений на Орловско-Курской дуге [5].

Особое место среди воспоминаний «детей войны» занимают детские праздники. Существует мнение, что с началом войны праздники ушли на второй план. Однако есть и иное мнение. Например, Е. Ю. Зубкова считает, что «профессиональные, семейные, общественные праздники наполняли всю жизнь и создавали определенную атмосферу, позволяющую создать два абсолютно противоположных критерия: «жизнь – праздник» и «трудовые будни» [16, с. 49.]

Среди «календарных» праздников особенно был популярен Новый год. Личные воспоминания Б. В. Намаконова позволяют сделать вывод о важности для детей этого собы-

тия: «Придумывали сами шарики – лепили из бумажных конфетных оберток и красили. И продавались все-таки какие-то елочные игрушки. Елку наряжали. И, конечно, это был большой праздник. Сами ходили за елкой, благо жили в Сибири» [13].

В период войны люди стали отмечать религиозные праздники. Все респонденты вспоминают, что праздновали Пасху, Рождество, Крещение, Троицу. Кроме того, по воспоминаниям Ф. М. Судака и Б. И. Пиндуса, в каждой деревне отмечали свой престольный религиозный праздник. Их воспоминания касаются западноукраинских регионов, где население исторически было более религиозным.

Важное событие – День Победы. «Дети войны» запомнили его по-разному. Высоцкий С. П. вспоминает, что День Победы не праздновали до 1955 года «потому, что он был со слезами на глазах. Это еще очень свежим было. Еще очень болело. Какая это была Победа, как мы победили? Никто не праздновал. Я это хорошо помню. Война закончилась. И маме не нужно было бояться, что я вырасту и пойду туда. Так как думали, что эта война будет бесконечно, что она никогда не кончится. Теперь наши матери были уверены, что их дети останутся живы» [12].

Судак Ф. М. хорошо запомнил этот майский день: «Сорок пятый год, май месяц, когда объявили, что все, кто остался жив, вернутся с войны. Я был на то время мальчишкой шести с половиной лет. Это уже хорошо помню» [7]. Ефремов Н. Ф. делится своими воспоминаниями о Дне Победы: «А вот, что запомнилось мне – День Победы был. Тогда собрались только женщины: моя мама, соседки. Все были без мужей. Из мужчин один я присутствовал – сидел на печке» [10]. Чальцев М. Н. вспоминал, что о победе узнали из сообщений по радио: «Висел на здании шахтоуправления шахты «Комсомолец» репродуктор. Голосом Левитана рассказывали, что победа. Это был обычный рабочий день. И, конечно, все были довольны, что закончилась война.

Люди вздохнули легко. Праздником этот день стал в шестьдесят каком-то году»¹ [9].

1.9. Особенности детского гардероба в годы войны

Анализ интервью во многом помог в изучении особенностей детского гардероба в 1941–1945 гг. Они свидетельствуют, что в войну люди ничего не выбрасывали, использовали все, что могло пригодиться в быту. Ефремов Н. Ф. вспоминал: «Все, что можно было одеть на себя, одевали. Носили то, что осталось еще из довоенных времен» [10]. Судак Ф. М. рассказывал: «Одежда и обувь – это то, что ремесленники сами делали. Сами ткали какое-то полотно. Из него шили и одежду. То и носили». После освобождения Полесья в 1944 году «начали появляться какие-то вещи, например брезентовые вещмешки, плащ-палатки. Все это шло на пошив одежды. Перешивали все народные умельцы. Машинок швейных не было. Шили вручную. Причем, найти иголку и нитки тоже было проблемой. Нитки и иголки мастера умудрялись каким-то образом делать сами». Обувь изготавливали из выделанных шкур домашних животных. Чаще всего сельские жители ходили в лаптях: «Во время войны и в послевоенное время сельское население в основном обувало лапти». Лапти умели изготавливать все мужчины старше 10 лет. Плели лапти из коры липы. Затем их подшивали кусками протекторов автомобильных шин. Федор Маркович подчеркивает: «И эта обувь нас выручала» [7].

---

¹День Победы – праздник победы Красной Армии над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года. Отменили празднование Дня Победы 24 декабря 1947 года постановлением Президиума Верховного Совета СССР. Постановление о том, что 9 мая вновь объявляется праздничным днем, вышло в 1965 году в честь 20-летия со дня Победы.

1.10. Детские страхи и мечты

Детские страхи в военное время были разными, связанные с увиденным и услышанным. Судак Ф. М. рассказывает о своих детских страхах в период оккупации: «Нас было пятеро детей. Поскольку заселились немцы, мать нас на печку запрятала. Там тепло и, как нам казалось, безопасно» [7].

Многие дети вспоминают, как боялись получить похоронку. Высоцкий С. П. рассказывает: «Принесли нам извещение, что отец погиб. Мне уже шесть с половиной, может быть, около семи лет. Думал – маме как-то надо не показывать, чтоб она не расстраивалась. Но вот у этого ребенка был – не плачь, это была истерика» [12].

Дети также боялись чужих людей, малыши боялись оставаться одни. Ефремов Н. Ф. вспоминает: «В период военных действий я был под присмотром старших сестер» [10].

Детские мечты отражали их желания. Для детей, как и для взрослых, было важно, чтобы война скорее закончилась, отцы вернулись с фронта, мамы меньше работали. Высоцкий С. П. вспоминает: «У нас была в семье такая надежда: а вдруг отец жив. Вдруг его ранили и он там без памяти. Он излечился. И мы ждали... Вот тот пришел, тот пришел. Война закончилась, а мы до 1950 года ждали». Многие дети не верили, что можно наесться досыта, так как постоянно испытывали голод: «Не верили, что у нас все может быть, что мы можем быть не голодными, что у нас все можно будет купить в магазине, что у нас в магазинах будет когда-то колбаса. Колбасу мы не видели. В магазинах ее никогда не было», – говорит Сергей Павлович [12].

1.11. Самоотверженность детей – часть военной повседневности

Проявление самоотверженности со стороны детей можно тоже считать частью военной повседневности. Балансируя на грани жизни и смерти, дети совершали поступки достойные уважения. Проявление героизма могло быть разнообразным: не испугаться и пожертвовать собой ради кого-то, терпеть боль, защитить родного человека.

Впрочем, часто самоотверженность детей граничила с риском для жизни и была необдуманной. Судак Ф. М. вспоминает, как его старший брат стащил у немцев пистолет с патронами, который затем спрятал и хранил до конца 1950-х годов [7]. Чальцев М. Н. рассказывает о событии, также связанном со старшим братом. В 1943 году, когда освобождали Донбасс, он с товарищами участвовал в рискованной выходке. Ребята сняли пулемет с подбитого танка и установили его на краю карьера. Оружие заметили отступающие оккупанты. Только случайность спасла детей от расстрела: «Немцы подошли, сбросили этот пулемет в карьер и куда-то ушли» [9].

Глава 2. Условия жизни детей в послевоенные годы

2.1. Завершение войны. Надежды на улучшение жизни

Завершение войны ознаменовало для населения начало новой счастливой жизни. Казалось, что все неурядицы, тяготы военного времени, голод уйдут в прошлое. Однако опьяняющий дух Победы постепенно развеивался. Страна по-прежнему находилась в тяжелейших условиях существования, но люди продолжали верить в лучшее. Как отмечает доктор исторических наук Е. Ю. Зубкова: «Пройдя войну, люди забыли все беды довоенного периода и стремились после войны жить так, чтобы вернуть ту прежнюю жизнь. Для людей появилась: «жизнь – праздник», «жизнь – сказка». Исследователь подчеркивает, что «восприятие счастья как отсутствие несчастья формировало у людей, переживших бедствия военного времени, особое отношение к жизни и ее проблемам. Отсюда слова-заклинания: «только бы не было войны». Таким образом, в массовом сознании формировалось поведение людей без противоречий, без напряжений, стимулом жизни стала надежда на лучшие времена [16, с. 48]. Это мнение ученого подтверждают слова Ф. М. Судака: «У людей появилась надежда, а надежда – это большое дело. Появился какой-то оптимизм. Что вот-вот будет лучше, и вот-вот будет светлое будущее» [7].

2.2. Возвращение фронтовиков

Начало мирной жизни ознаменовалось возвращением фронтовиков. Один такой эпизод запомнился Н. Ф. Ефремову: «Помнится, как-то разговор прошел по селу, что наш дед Кузьма возвращается с войны. Дети побежали встречать. Он шел не в военной форме, за плечами висела котомка» [10].

Остались живы и возвратились домой пять братьев Ставцевых – Василий (отец Ставцева В. В.), Федор, Владимир, Николай и Иван. Все они имели многочисленные награды: ордена и медали за участие в сражениях Великой

Отечественной войны. Кадровый офицер Советской Армии Ставцев Василий Моисеевич «после награждения орденом Красной Звезды и несколькими медалями получил новое назначение по службе и отбыл служить в Закавказский военный округ» [5]. Возвратился с войны и дядя М. Н. Чальцева – Григорий Иванович Чальцев. В 1946 году он приехал в Донбасс, работал на шахте «Северная» в г. Дзержинске [9]. Чуть раньше окончания войны демобилизовали и отправили восстанавливать угольные шахты в Донбассе отца Н. Е. Черного [14].

Дети гордились своими возвратившимися с войны отцами, соседями-фронтовиками. Так, Б. И. Пиндус запомнил отца своего друга – «батька Івана», у которого вся грудь была в орденах и медалях. Свои награды бывший фронтовик на время давал мальчикам для участия в школьных мероприятиях [8].

С возвращением отцов жизнь для детей становилось значительно легче. Вспоминает Ф. М. Судак: «Поскольку отец наш вернулся с фронта, нашей семье было проще, чем тем, в которые не вернулись мужчины» [7]. «Относительно неплохо» после возвращения отца с войны жила семья В. А. Склифоса [17].

Война не прошла для людей бесследно, меняла характер и привычки, у многих – до неузнаваемости. Вернуться домой целым и невредимым еще не значило, что война не отразилась на жизни фронтовика. У многих мужчин изменился характер, психика была нарушена. «У каждого своя судьбинка была. Мало того, что многие калеками вернулись, многие вернулись с нарушенной психикой», – отмечает В. А. Склифос [17].

Возвратившиеся с войны солдаты-инвалиды тяжело вживались в мирную жизнь. Они имели мизерную пенсию, на которую прожить было практически невозможно, и поэтому были рады любой возможности заработать. Судак Ф. М. вспоминает, что фронтовики-инвалиды «выручали селян тем, что шили одежду, ремонтировали и шили обувь» [7]. По словам Н. Ф. Ефремова их брали на работу в колхоз весовщиками – принимать или отпускать зерно [10].

2.3. Жилье. Одежда

Послевоенная жизнь была очень тяжелой. Прежде всего это касалось материально-бытовых условий. По счастью, дома, в которых жили с родителями и другими близкими родственниками участники опроса, не были разрушены. Не уцелел только сарай во дворе семьи Ефремовых [10]. Свои жилища респонденты называют по-разному, подчеркивая их неказистость: украинской хатой (С. П. Высоцкий) [12], избушкой (В. В. Ставцев) [5]. Жилой площади в таких строениях было очень мало.

Более зажиточно жили люди на территории Западной Украины. Подробное описание хозяйственного двора жителей своей деревни дал Б. И. Пиндус: «У каждого жителя на участке, на плане, кроме избы были сараи, крытые соломой. Огромные такие. У нас они назывались «стодола». В них хранили все, в том числе и снопы, которые привозили с поля. Там и телегу на зиму прятали. Там внутри и ток был, на котором цепами или молотилкой молотили зерно. Редко молотилку с паровым приводом использовали. Обычно ее в движение приводили с помощью пары лошадей. Даже не одной пары, а двух. Они ходили по кругу и приводили в движение барабан» [8].

В послевоенные годы у населения были большие проблемы с топливом. Вот как об этом вспоминает Ф. М. Судак: «Одна из основных проблем как военного, так и послевоенного времени – это топливо. Каким образом можно было обогреть жилище? В тех краях, где мы проживали, – это были дрова. К счастью, недалеко от нашего села был лес. Поэтому там можно было собирать хворост, ветки, которые носили на плечах, возили на санках» [7]. Забота об обогреве дома после смерти отца в 1951 году легла на плечи М. Н. Чальцева, которому на тот момент было девять лет: «Я ходил под террикон, собирал дрова. Носил домой километра за полтора для того, чтобы протопить печку» [9]. Легче решалась проблема с топливом в Сибири. Его можно было заготовить в тайге. Для обогрева дома Б. В. Намаконов с братом запасали на зиму до двадцати кубометров дров [13].

Одежда и обувь детей в первые послевоенные годы мало отличалась от одежды военного времени. Ее, в основном, шили матери или соседи-односельчане, возвратившиеся с войны солдаты-инвалиды. Однако именно плохая одежда спасла жизнь Н. Ф. Ефремову, когда в 1947 году в его руках прямо на подворье взорвалась граната: «Какая-то фуфайка не моя, не моих размеров. Рукава длинные. Рукава обрубали. Ну, а низ – под пояс. И вот это ватное закрыло мне грудь. На груди нет нигде ранений никаких, ничего. А то, что было снаружи, пострадало: я лишился руки, глаза и получил осколочное ранение лица» [10].

За старшим братом донашивал одежду и обувь Б. И. Пиндус. Обувь берегли, летом ходили босиком. Для детей это было не просто неудобно, но часто – мучительно больно. Богдан Иванович вспоминает: «Представьте себе: в конце августа начинается уборочная. Стерня колючая, потому что косили в основном косой под самую землю. Косили и сразу же запускали скот на выпас. И за ним по стерне мы ходили босиком. Другой раз придешь домой, а ступни кровавые. Вымываешь, вытаскиваешь занозы» [8]. По очереди с сестрой носил обувь М. Н. Чальцев: «Ходили мы в бурках и каких-то калошах. Бурки у меня с сестрой были одни на двоих. Она со школы приходила, потом я их одевал. Самым мучительным временем была весна. Для меня было самое страшное, когда грязь, и калоши спадают. Если в грязь ступишь ногой – промокнут бурки» [9].

2.4. Голод 1946–1947 гг. Рацион питания

Засуха 1946 года привела к голоду, который поразил многие регионы СССР. Голод косил людей, губил лишенный корма скот, еще более ослабляя послевоенную деревню. К концу 1947 г. голод удалось преодолеть, но последствия его сказывались еще долго.

Вот как эти тяжелые годы отложились в памяти М. Н. Чальцева: «Я помню голодные годы после войны. Все время хотелось есть, все время сводило желудок. Если бы меня разбудили в любое время ночи и спросили: «Что ты хочешь?» – я бы ответил: «Есть». Давали буханку хлеба на во-

семь человек. Как ее можно поделить? Отец работал, ему нужно было больше еды, чтобы он выжил. Нам каждому доставался кусочек хлеба с пальчик толщиной» [9].

Высоцкий С. П., Намаконов Б. В., Ефремов Н. Ф. также вспоминают о постоянном чувстве голода. Однако даже в такой ситуации дети могли шутить. Как вспоминал В. В. Ставцев: «Рацион питания после войны был довольно скуден, что проявлялось в частых головокружениях. Но все это по-детски воспринималось несерьезно, шутили друг над другом по поводу «пьяных» ощущений» [5].

Голод подталкивал людей на совершение хищений и краж, несмотря на угрозу наказания. Николай Федорович Ефремов вспоминает, что в 1947 году из подвала их дома украл картошку родственник уехавшего в другой город соседа [10]. О разгуле бандитизма в голодные послевоенные годы рассказывает М. Н. Чальцев: «Был страшный разгул бандитизма. Налетчики приходили, выламывали непрочные стены в сараях и уводили корову. Обували ее в валенки, чтобы не видно было, куда повели. Это было в то голодное время равносильно смерти. Я помню, как семилетним дежурил в доме у маленького окошка, размером с бойницу. Моей задачей было наблюдать и сообщать родителям о том, кто и куда прошел мимо двора» [9].

В условиях нехватки продовольствия семьи с детьми выживали по-разному. Из фуражного овса, истолченного в ступе, варили кисель в семье М. Н. Чальцева [9], из молотых желудей пекла для детей лепешки мама Н. Ф. Ефремова [10]. Страшный запах гнилого картофеля, который ели после войны, до сих пор помнит С. П. Высоцкий [12].

Чтобы как-то заглушить голод, дети употребляли в пищу то, что давала природа: грибы, одуванчики, клевер, землянику, дикие груши, яблоки. Как вспоминает М. Н. Чальцев, ловили сусликов, их готовили и ели [9].

Только к 1950 году рацион питания детей становится немного разнообразнее. Намаконов Б. В. вспоминает: «В 1947 году хлеба было уже в избытке. Потом масло, сахар и прочие продукты появились» [13]. Хорошо запомнил свою пищу Н. Е. Черный: «Кусок хлеба намазывал маслом и посыпал сахаром. Поел и целый день гонял до вечера по ули-

це» [14]. Пиндус Б. И. констатирует: «Ничего, выжили. Сказать, что голодали сильно, – нет. Потому что была своя картошка. А это же – основной продукт питания» [8].

Для большинства детей деликатесом, главным лакомством по-прежнему оставался хлеб, политый растительным маслом и посыпанный сверху сахаром или солью. Курьезный случай в связи с этим вспоминает Б. И. Пиндус: «Деликатес я помню такой: кусок хлеба, политый маслицем и сверху посыпанный солью. Но еще вкуснее – это когда не соль, а сахар. Хлеб с сахарком – вот это был деликатес! И такой деликатес я один раз сделал. А мать же не разрешала, сахара было мало. Вот так, втихаря, подпольно, в масло хлеб макнул, сахарком посыпал, и сахарок сразу впитался, немножко, но впитался в масло. И тут мать выходит: «А что ж ты тут делал, сын? Ты сахаром сыпал?». Я ответил: «Нет». Ну мать взяла и солью посыпала: «На, ешь». Получился «хороший» деликатес. Не знаю, какая у меня была рожкица в это время» [8]. Также в качестве лакомства М. Н. Чальцев вспоминает хлеб с вишнями, арбузы, карамель «Подушечки» [9]. Лакомством для Б. В. Намаконова был кусковой сахар, который кололи специальными щипчиками и клали в чай [13]. С послевоенного времени и до сегодняшнего дня остается лакомством кукурузная каша для Н. Ф. Ефремова [10].

Тяжелая ситуация с продовольствием в СССР привлекала внимание других стран. В 1946–1947 гг. помощь начали оказывать международные организации. О ней сохранились воспоминания у «детей войны». Намаконов Б. В. рассказывает: «И к нам даже приходили продукты – американская тушенка в квадратной банке. Длинная вот такая» [13]. Ефремов Н. Ф. также вспоминает о такой помощи: «Была какая-то помощь. Не исключено даже, что из Америки» [10].

Семьям погибших фронтовиков оказывало помощь советское государство. Выдавались пенсии из средств союзного либо республиканских бюджетов. Размер пенсий был небольшой, поэтому кроме постоянного их начисления оказывалась денежная поддержка через фонд помощи семьям фронтовиков, который был сформирован за счет отчислений коллективов промышленных предприятий и организаций, сборов с концертов, театральных спектаклей и

т. д. Вместе с тем помощь семьям погибших фронтовиков оказывали и органы социального обеспечения. Сельская местность также не оставалась без внимания. Поскольку отчислений промышленных предприятий и организаций на селе не могло быть, т. к. они там отсутствовали, материальная помощь участникам Великой Отечественной войны и семьям погибших фронтовиков оказывалась через кассы общественной взаимопомощи [18].

По воспоминаниям Б. В. Намаконова: «Помогало государство, поселковый совет, отдел народного образования. Потом, после школы, очень хорошо помогали, и материально помогали. Ну как хорошо? По возможному минимуму. Мы не шиковали, но, во всяком случае, с голоду умирать нам не давали. И босыми, и голыми тоже не ходили. Конечно, без этой помощи мы бы не смогли выжить» [13].

Социальная политика государства способствовала постепенному улучшению жизни людей. С 1947 по 1954 годы семь раз в Советском Союзе проводилось снижение розничных цен. Надежда на социальную стабильность помогала людям выживать. «Каждый день жили с надеждой, что завтра будет лучше жить. И в действительности, так и было. Трудно было. Очень трудно было. Но ежегодно, к 8 марта, обязательно было снижение цен. На ситец, мануфактуру, всякие мелочи», – вспоминал В. А. Склифос [17]. Николай Федорович Ефремов говорит: «Ну, как сказать? Не ощущение, оно реально и было так. Во-первых, работа уже появилась, которая оплачивалась. Мама работала. Причем работала постоянно. Летом – в поле. Зимой – на постоянной работе. За труд она, конечно, вознаграждалась. Чем? Ее портрет висел на Доске почета передовиков Барвенковского района» [10].

2.5. Жизнь в колхозе. Подсобное хозяйство

После войны перед властью вновь остро встал вопрос, как заставить людей эффективно трудиться в общественном хозяйстве. Наиболее отчетливо эта проблема проявилась в сельском хозяйстве, особенно на Украине, где в ряде мест во время немецкой оккупации сформировалось отрицательное отношение крестьян к колхозам. Такие настроения преобладали на территории Западной Украины, где коллективизация началась фактически только после 1945 года. Об этих событиях вспоминает Б. И. Пиндус: «Колхозы у нас начали организовываться только в 1947 году. Поэтому, может, кто победнее, те и испытывали нужду в них вступать. Но я бы не сказал, что были такие. Когда начались колхозы, у селян все отбирали. Всю технику сельскохозяйственную – плуг, бороны, сеялки, веялки и т. д. Это все шло в колхоз. То есть, это было уже колхозное хозяйство, коллективное». Местным жителям было, что терять. Выше были приведены воспоминания Богдана Ивановича, в которых он подробно описывает уровень достатка большинства односельчан. Естественно, люди шли в колхозы с большой неохотой «и с плачем, и со слезами на глазах, и с криками, и с проклятьями». Недовольство коллективизацией выливалось в антисоветские настроения, в борьбу против советской власти и ее представителей, в убийства специалистов, прибывших из Восточной Украины помогать местным жителям восстанавливать разрушенную войной жизнь: «Люди разные были. Кто воспринимал это как благо для них, а кто и по-другому. Поэтому в памяти сохраняются случаи, когда, скажем, и учителей убивали, которых присылали. Но убивали не те, которые бедненькие, а те, которые были побогаче, кому было за что страдать. Были и такие случаи. Были случаи и борьбы. Было разное. Я могу по этому поводу сказать, что при моей памяти человека 2–3, максимум, убили. И не учителей, а местных сочувствующих советской власти или активистов. Я помню, кто-то из них был председателем сельсовета, еще кто-то – активистом, но это единичные случаи. Кто убил, никто не знает. Нашли мертвых» [8].

Как и в предвоенные годы, крестьяне почти ничего не получали за трудодни. На колхозников не распространялось государственное пенсионное обеспечение. Заготовительные цены на сельхозпродукты были во много раз ниже рыночных. Хорошо работающим хозяйствам устанавливались более высокие нормы поставок государству. Представить уровень жизни и социального обеспечения колхозников помогают воспоминания Ф. М. Судака: «Что такое колхозы в послевоенный период? По сути дела – это был рабочий труд крестьян, который не оплачивался деньгами. Колхозникам платили за трудодни, отработанные в течение года, натуральными продуктами. Пенсии никакой не было. Поэтому говорить о каком-то энтузиазме не приходится. Выживало село за счет подсобных хозяйств. Сдавали практически все государству по ценам, которые устанавливало государство. Первый завет – это обеспечить поставки зерна государству» [7].

После завершения Великой Отечественной войны власти СССР делают новый шаг в сторону усиления борьбы с хищениями социалистической собственности. Методом для этого стало ужесточение законодательства, увеличение сроков лишения свободы за данный вид преступления. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества от 04.06.1947 г. предусматривал за простое хищение государственного имущества уголовную ответственность в 7–10 лет лишения свободы [19]. Власть, по словам Ф. М. Судака, «практически издевалось над людьми. В чем это заключалось? Прежде всего заключалось в том, что крестьяне после уборки зерновых пытались собирать колоски в стерне. Потому что время было очень тяжелое, голодное послевоенное время. Но подъезжали объездчики на лошадях и всех людей прогоняли с поля. После того, как появились трактора, сразу пускали туда трактор, перепахивали все поле» [7]. Склифос В. А. также коснулся этого вопроса в своих воспоминаниях: «Знаете, что такое ток? Это открытая площадка, на которую с поля поступает зерно. Там оно сохнет, его сортируют, грузят и отправляют на элеватор. Ворошат зерно люди с помощью лопаты: кто босиком, а кто в обыкно-

венных тапочках. И вот в тапочки попало зерно. Женщина идет домой, где ничего нет покушать. Если ее встретит объездчик, потребует снять тапки, а в них окажется зерно, – то все. Докладывает властям, и женщину отправляют в тюрьму. Было такое сплошь и рядом» [17].

Сельское население в послевоенное время не имело паспортов, было привязано к колхозу и месту жительства. Об этом вспоминает Н. Ф. Ефремов: «Закончил я школу, нужно было ехать поступать куда-то. А паспорта нет. Пошел я в сельсовет. И тут тебе: «Нет и все. Паспорт мы не дадим». Деревенским не давали паспорт. Вот тут какая-то была обида. Может, я и слезу даже пустил по этому поводу: «Вы же видите, что я не могу работать в селе». Убеждали, что «поступишь, а потом выдадим паспорт» [10].

Лишь после смерти И. В. Сталина, в августе 1953 г., была предпринята первая попытка вывести сельское хозяйство из тяжелого кризиса. Предпринятые меры обеспечили в 1950-е годы самый высокий за все время после коллективизации рост сельскохозяйственного производства. О некотором облегчении жизни в этот период вспоминает Н. Ф. Ефремов: «Через определенное время старшие сестры могли выполнять работу не только по дому, а и помогать маме, выполнять полевые работы. Система была такая: колхозникам наделялись ланки, которые нужно было обработать: посадить, посеять, прополоть, собрать урожай. Вот тут уже помогали сестры. И что? В это время за работу начали выдавать хлеб. Не зерно, а хлеб. Допустим, приходит сестра с поля, и выдали ей там половинку хлеба. Конечно, она приносила ее домой. В первую очередь хлеб доставался мне, как самому младшему» [10].

Тяжелые условия труда, высокие налоги, отсутствие заработной платы и пенсий вынуждали колхозников усиленно заниматься собственным приусадебным хозяйством. Склифос В. А. констатировал: «Денег не было, все было только на подсобном хозяйстве». И далее, рассказывая о своей семье, говорил: «Хозяйство у нас было хорошее, послевоенное, которое я уже запомнил, семь с половиной – восемь лет мне было. Корова была, свиньи, утки, куры и кроли. Уход за всей этой живностью был на моих плечах» [17].

На огородах выращивали морковь, свеклу, лук. Основной овощной культурой, конечно, был картофель. Намаконов Б. В. вспоминает: «Картошка – это была вся наша надежда на питание зимой. Вот эту картошку лелеяли, ухаживали за ней: копали, сушили, хранили ее, укрывали на зиму. Она была нашим спасением, особенно в самые первые голодные годы. Не дай Бог останешься без картошки! Не нужно было ничего: ни огурцов, ни помидоров, ничего. Их и не было у нас, кстати. Нужна только картошка. И в это время все так жили» [13].

Среди домашних животных все респонденты с особой теплотой вспоминают корову. Как и в годы войны, она по-прежнему была главной кормилицей в семье. «От коровы зависело наше благосостояние. Она нас кормила», – говорит М. Н. Чальцев [9]. По словам Н. Е. Черного, он до сих пор испытывает чувство вины за то, что несправедливо обидел домашнюю любимицу: «Случай один был. Когда родители купили корову, то летом я ее пас. А рядом был завод со своей плантацией. Там сажали помидоры, огурцы. Мы пасли коров и подворовывали овощи. Однажды за нами началась погоня. Я побежал и корову погнал. Даже три раза ее ударил, когда убегали. До сих пор совесть мучает, до слез сейчас обидно. За что я ее, бедную, наказывал. Самое главное, она послушная была. Другие коровы уходили, убегали, а эта всегда была около меня. Никуда не убегала. А я ей такой «подарок» преподнес» [14]. Ефремов Н. Ф. запомнил, как с помощью коровы вспахивали землю на сорока сотках огорода: «Это то, что я хорошо помню: мама вела корову. Плуг сзади цеплялся. А я еще дальше – за плугом. Ну и пацан же, или малыш, или дите. Хотелось и покататься. Чтобы маме было не обидно, я сначала толкал плуг, помогал, а потом, так сказать, уже катался» [10].

Начиная с 1948 г., власти облагают личные подсобные хозяйства большими денежными налогами. В ответ на ужесточение мер со стороны государства крестьяне вырубали сады, резали скот. Эти события нашли отражение в воспоминаниях Н. Е. Черного: «Мы жили в поселке. И корова была почти в каждой семье, через дом. И поросенок был в каждой семье. Потом Никита Сергеевич Хрущев

придумал налоги. На коров, свиней, на фруктовые деревья. И всех коров и свиней порезали, а сады вырубали. Наша деревня была в тридцати километрах от города. И раньше все возили в город: и молоко, и сало, и мясо. А потом ничего этого не стало. И стало всем плохо. И крестьянам и горожанам¹» [14].

2.6. Труд подростков

Тяжелое материальное положение семей вынуждало подростков в деревнях вести домашнее хозяйство, пока их родители были заняты на полевых работах. Труд являлся неотъемлемой частью повседневной послевоенной жизни детей, в процессе работы происходило их нравственное, идейное и даже политическое воспитание.

Ухаживали за домашними животными Н. Ф. Ефремов, М. Н. Чальцев, В. А. Склифос, Н. Е. Черный. Среди обязанностей по дому Б. В. Намаконов называет следующие: «Наносить воды из колодца, копать и полоть огород. Все это было нашей обязанностью. Тем более, мать работала. Все это делали мы, дети» [13]. В обязанности Б. И. Пиндуса и М. Н. Чальцева также входила покупка и доставка домой хлеба. Для этого в любую погоду приходилось преодолевать 11–12 (Б. И. Пиндус), либо 4–5 (М. Н. Чальцев) километров. Вот что вспоминает М. Н. Чальцев об этих походах: «Я, начиная примерно с 11 лет, ходил за хлебом. Поднимался в пять часов утра. Зима, лето, осень – каждый день. А зимой морозы были по тридцать градусов. Наматывал портянки, обувался и шел вместе с другими мальчишками. Прибегали к магазину, становились друг другу на плечи, оттаивали окошко, чтобы можно было видеть полки. На полках лежит хлеб. Значит, отсюда уже уходить никуда не надо. Занимали очередь, из которой тебя могли выбросить. Рядом стоял угольный ящик, и из-под него выглядывало сантиметров десять фундамента. И

---

¹Николай Ефимович, очевидно, имеет в виду время середины 1950-х – середины 1960-х годов, когда развернувшаяся кампания по идеологическому наступлению на личные подсобные хозяйства сопровождалась уменьшением размеров приусадебных участков и сокращением норм содержания скота.

мы, пацаны, на этом ящике занимали свою очередь. Как только открывались двери, я разгонялся, делал толчок о фундамент и «ласточкой» летел сверху на головы. Падал на пол, как кошка, поднимался и сразу бежал вдоль стенки. Стоял – не стоял в очереди, уже не имело значения. В конечном счете, к 11 часам я покупал пять буханок хлеба. И пока шел домой, а это было километра два с половиной – три, съедал полбуханки. Это был мой завтрак, обед и, часто, ужин» [9].

Старшие дети помогали родителям в воспитании младших братьев и сестер. Особое значение это имело в сельской местности, когда родители постоянно находились вне дома, а детских садов и яслей не было. «В 1945 году мне было тогда только четыре года, поэтому в поле я еще не мог работать. Мать уходила в поле, а куда ребенка девать? В течение года, наверное, брали с собой или старший кто-то оставался со мной», – вспоминает Б. И. Пиндус [8].

Летом, начиная с 5–7 класса, чтобы заработать деньги, дети работали – кто на стройке, кто на колхозном поле, кто на шахтном дворе. С тринадцати лет каждое лето работал на лесном складе шахты «Комсомолец» М. Н. Чальцев. Занимался вместе с другими рабочими штабелеванием крепежного леса. За поденную работу платили. И в 9 классе Михаил Николаевич смог купить себе часы [9]. «Пытались подрабатывать, помогали разнорабочими на стройке» Б. В. Намаконов с братом [13], в поле работал В. А. Склифос [17], «активное участие в работах колхоза по заготовке сена, сбору урожая яблок» принимал В. В. Ставцев [5]. После окончания девятого класса начал работать Б. И. Пиндус. Он возил молоко из деревни в районный центр на маслосырзавод. Богдан Иванович вспоминает: «Естественно, со всеми работниками познакомился, был там у них на хорошем счету. Вы представляете себе пацана в 14 лет? А бидоны с молоком были 38-литровые. А еще сам бидон килограмма два–три. И 40-литровые. Те еще тяжелее. Вот у меня было два 38-литровых и один 40-литровый бидон. И 14-летний пацан привозил это молоко. Сначала другие извозчики помогали, а под конец сам кидал их. Натренировался, набрался сил» [8].

2.7. Медицинская помощь

Сфера медицинского обслуживания в населенных пунктах, где проживали респонденты, имела те же проблемы, что и в целом по стране. Отсутствие необходимого количества больниц и специалистов приводило к распространению заболеваемости среди населения. Рассказывает Ф. М. Судак: «Что касается медицинского обслуживания. Был один фельдшер на весь район, он имел только один термометр, больше ничего. Даже фонендоскопа не было» [7].

Случалось, что медицинские работники вынуждены были оказывать неотложную помощь в полуразрушенных помещениях больниц и фельдшерских пунктов. В одном из них, в селе Курулька на Харьковщине, после несчастного случая спасли жизнь Н. Ф. Ефремову. Долечивали ребенка уже в районном центре [10].

Высоцкий Сергей Павлович, г. Горловка. 18.12.2018 г.

Ефремов Николай Федорович, г. Горловка. 21.12.2018 г.

Намаконов Борис Васильевич, г. Горловка. 19.12.2018 г.

Пиндус Богдан Иванович, г. Горловка. 28.12.2018 г.

Судак Федор Маркович, г. Горловка. 21.12.2018 г.

Склифос Вадим Андреевич, г. Горловка 18.12.2018 г.

Ставцев Валерий Васильевич, г. Горловка. 27.12.2018 г.

Чальцев Михаил Николаевич, г. Горловка. 14.12.2018 г.

Черный Николай Ефимович, г. Горловка. 20.12.2018 г.

Семья Чальцевых: Николай Иванович и
Прасковья Никаноровна, г. Горловка. 1936 ? г.

Чальцев Николай Иванович, г. Горловка. 1938 ? г.

Чальцева Прасковья Никаноровна, г. Горловка. 1938 ? г.

Чальцев М. Н. с сестрами Валентиной и Тamarой,
г. Горловка. 1956 г.

Чальцев М. Н., г. Горловка. 1958 г.

Мама и сестра С. П. Высоцкого – Ольга Максимовна и
Галина Павловна, с. Ракитное. 1955 ? г.

Судак Марко Емельянович, д. Дятиловка. 1923 ? г.

Судак Ф. М. после окончания 8-го класса,
Хмельницкая обл., с. Дятиловка. 1954 г.

Судак Ф. М. со старшей сестрой Евгенией,
Хмельницкая обл., с. Дятиловка. 1955 г.

Судак Ф. М., 2 курс Львовського політехнічного інституту. 1959 г.

Ставцев Василий Моисеевич, г. Орел. 1943 ? г.

Братья отца В. В. Ставцева – Федор Моисеевич, Владимир Моисеевич, Николай Моисеевич, д. Молчановка. 1945 ? г.

Намаконов Василий Евграфович
с сотрудниками Центральной ремонтной мастерской,
пос. Южно-Енисейск. 1940 ? г.

Намаконов Б. В. в детском саду,
пос. Южно-Енисейск. 1945 ? г.

Намаконов Б. В. с одноклассниками, 3-4(?) класс,
пос. Южно-Енисейск 1950 г.

Ефремов Федор Данилович, с. Курулька. 1940 ? г.

Место захоронения Ефремова Федора Даниловича,
с. Александровка. 1975 ? г.

Памятная плита, с. Александровка. 1975 ? г.

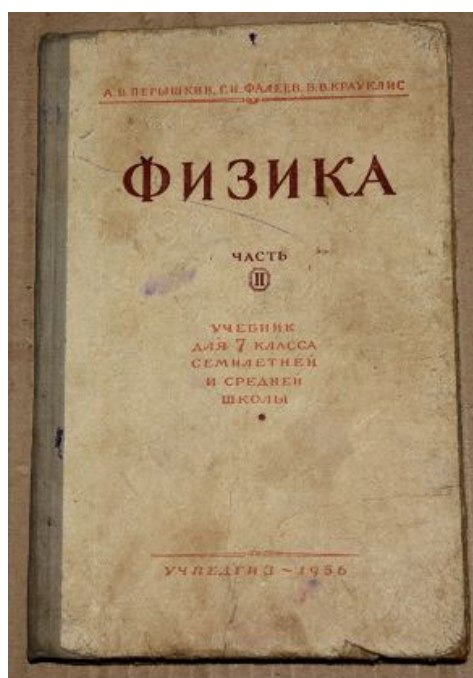
Ефремов Н. Ф. с одноклассниками, 1 класс,
с. Курулька. 1947 ? г.

Ефремов Н. Ф. – выпускник Славянского
педагогического института. 1965 г.

Часы М. Н. Чальцева, 1956 г.

Школьный учебник по физике. Авторы А. В. Перышкин, С. И. Фадеев, В. В. Крауклис, 1956 г.

Ручка и чернильница-непроливайка

Ручка-вставочка и перья к ней

Глава 3. Послевоенная школьная повседневность

3.1. Семилетний всеобуч

Одной из важнейших задач послевоенных лет в области школьного образования было осуществление всеобщего обучения детей и подростков. Успешное выполнение государственного плана развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. создало необходимые условия для решения этой задачи.

В 1949 году законодательно был оформлен переход к всеобщему обязательному семилетнему образованию. Страна приступила к реализации семилетнего всеобуча. Повсеместно расширялась сеть школ, велась работа по созданию лучших условий для обучения в них детей. Одновременно проводилась работа по вовлечению в старшие классы полной средней школы учащихся, окончивших семилетку. Важной вехой на пути к всеобщему среднему образованию стали решения XIX съезда ВКП(б) (1952 г.) об увеличении строительства школ в городах и на селе на 70 % по сравнению с предыдущей пятилеткой и о дальнейшем расширении сети средних школ [20, с. 408].

Начальную, семилетнюю, а затем среднюю школу закончили все респонденты, которые приняли участие в опросе. Вспоминает Ф. М. Судак: «Четыре класса начальной школы я закончил в своем селе. Семилетку – в соседнем селе, которое находилось за три километра от нашего. Еще дальше приходилось ходить в среднюю школу, преодолевая расстояние в шесть километров. Окончил я школу в 1955 году» [7]. В родном селе Курулька закончил семилетнюю школу Н. Ф. Ефремов. Среднюю школу Николай Федорович закончил в городе Барвенково Харьковской области [10]. В родной деревне окончил среднюю школу Б. И. Пиндус. Школа была большая – в ней обучались дети из шести окрестных деревень [8].

Следует отметить, что в соответствии с Постановлением № 638 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий» от

26 октября 1940 года обучение в старших классах школ и в вузах было платным. Постановлением Совета Министров СССР от 6 июня 1956 года плата за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР была отменена [21]. Об этом свидетельствуют воспоминания Б. И. Пиндуса и Ф. М. Судака. Так Федор Маркович говорит: «Когда мы учились в восьмом, девятом, десятом классах надо было платить за учебу 150 рублей за год учебы» [7].

3.2. Учительские кадры

Важной проблемой послевоенных лет было обеспечение школ квалифицированными кадрами. В первом послевоенном пятилетнем плане предусматривалось расширение подготовки кадров высшей и средней квалификации, в том числе и учителей. В августе 1945 года было принято постановление СНК СССР «Об улучшении дела подготовки учителей», в котором были сформулированы важные требования к подготовке учителей. С этого времени ликвидировалась прежняя практика краткосрочной подготовки недостающего числа учителей из лиц, не получивших полного среднего образования.

С 1953 года педагогические училища стали принимать обучающихся, окончивших среднюю школу, и были переведены на двухлетний срок обучения. В связи с возрастающими требованиями к научной и специальной подготовке учителей учительские институты, начиная с 1952 года, реорганизовывались в педагогические институты. Так была создана единая система подготовки учителей для 5–10 классов средней школы [20, с. 410–411].

Трансформации, которые произошли в системе подготовки учительских кадров, изложил в своих воспоминаниях Ф. М. Судак: «Кто нас обучал и какие были учителя? Как мне кажется, они были достаточно квалифицированы и работали добросовестно. Чаще всего это были выпускники педагогических училищ, которые обучали нас в начальной школе. Однако некоторые не имели специального образования. Приведу пример. В школе, начиная с пятого клас-

са, нам читали иностранные языки. Я изучал немецкий язык. Учительница, которая его преподавала, в годы войны находилась на принудительных работах в Германии. Сложно сказать, была ли она на самом деле по образованию учительницей. Позже в школу пришли учителя, которые заканчивали учительские, а с 1955 года – педагогические институты» [7]. Сам Федор Маркович после окончания школы два года работал учителем. Но в 1957 году он оставил педагогический институт и учительскую профессию и поступил в Львовский политехнический институт на механический факультет [7].

Николай Федорович Ефремов через три года после окончания средней школы поступил в Славянский педагогический институт, в котором обучался по специальности «Математика и черчение». И, по его словам, выбранная специальность пришлась по душе [10].

Большинство респондентов с большим теплом и благодарностью вспоминают своих школьных учителей, чьи имена бережно хранят в памяти. Например, Н. Е. Черный запомнил свою первую учительницу: «У нас была учительница 1–4 классов Мария Петровна. Хорошая такая. Мы к ней домой через день заходили. Как-то на праздник 9 мая она пришла в военном кителе. В годы войны служила в разведке. Вся грудь в орденах. Тогда не было наград к юбилею Победы. Поэтому у нее все награды были боевые» [14].

3.3. Возраст поступления в школу. Контингент учащихся

Еще в годы войны, с 1944/45 учебного года, было установлено обязательное обучение детей с семилетнего возраста [20, с. 403]. Склифос В. А. вспоминал: «Сразу после войны по всем усадьбам ходили молодые люди, делали перепись детей. Власти обязывали родителей следить, чтобы по достижению школьного возраста ребенок ходил в школу» [17].

Однако у многих детей школьное обучение началось раньше установленного срока. Так в 1947 году «шестилетним мальчуганом» пошел в первый класс В. В. Ставцев [5].

Михаил Николаевич Чальцев рассказал свою историю: «В Советском Союзе было установлено четкое правило: принимали в школу с семи лет. Одного дня до семи лет не хватало – не принимали, год надо было ждать. Заканчивался август 1947 года, в школу я не собирался, так как семь лет мне должно было исполниться только в ноябре. А тут соседский мальчишка расхвастался, что его в школу запишут. Глядя на него, и я решил ускорить это событие. Дома состоялся разговор с бабушкой, и она поддалась на мои уговоры. Наутро, наметив план действий, мы вместе отправились в школу. Бабушка была организатором и вдохновителем этого мероприятия. Запись в первый класс вела учительница, которая жила по соседству. Посмотрев на нас с недоумением, она сказала: «Наталя Федоровна, так Миша родился в ноябре месяце». Бабушка вроде бесхитростная была, а тут, не моргнув глазом, ответила: «Да что ты, Зина! Посмотри, какой он высокенький! А метрика сгорела. Сама понимаешь, война». Бабушкина легенда возымела действие, и в школу меня записали. Женьку не записали, а меня записали. Пришлось мне одному ходить в школу и наблюдать, как сосед продолжал бездельничать, гулять и стрелять из рогатки» [9].

Родители Б. И. Пиндуса находились целый день на работе и не имели возможности присматривать за сыном. Им также удалось уговорить директора, и в первый класс зачислили пятилетнего ребенка. Лишь на третьем году обучения несоответствие в возрасте заметила приехавшая из районного центра комиссия: «Как он может быть в третьем классе? Он не должен быть в третьем, его необходимо перевести в первый класс». «И меня перевели в первый класс. Я объявил забастовку. С какой стати, если я всю программу первого и второго класса выполнил? Законно получил табели. Я не был отличником, но повода для того, чтобы меня за неуспеваемость перевели в первый класс не было. Вернули меня в третий класс», – вспоминает Б. И. Пиндус [8].

Для того, чтобы охватить обучением всех детей, не имевших возможности получить образование в годы войны, в некоторых школах действовали специальные классы для переростков. Однако большинство подростков старше

15 лет учились вместе с остальными детьми в 1–7 классах. Высоцкий С. П. вспоминает, что вместе с ним в школе учились ребята, которые были на 10 лет старше [12].

3.4. Условия обучения

Организация народного образования в первые послевоенные годы проходила в исключительно трудных условиях. Прежде всего не хватало школьных помещений. Во многих местах Украины, Белоруссии и РСФСР нередко занятия проводились в крестьянских избах и даже в землянках. Занятия в школах велись в две-три смены. Сергей Павлович Высоцкий вспоминает: «У нас школа была – хата. В ней как-то помещались несколько классов» [12]. Михаил Николаевич Чальцев рассказывает, что в первые годы после войны школа размещалась в профилактории для рабочих шахты «Комсомолец» – одноэтажном здании барачного типа. Лишь в 1951 году учебный процесс продолжился в отремонтированном здании школы, пострадавшей от пожара в 1941 году при отступлении войск Красной Армии [9].

Острой задачей школы по осуществлению всеобщего было преодоление отсева учащихся. Принимался ряд мер для создания лучших условий посещения школы. Одной из таких мер стало создание пришкольных интернатов для детей, живущих вдали от учебных заведений. Как вспоминает Ф. М. Судак: «В суровые снежные зимы, когда замело дороги, нам предоставляли возможность жить в школе по два-три дня. Там был организован интернат. Мы пользовались этой возможностью, прихватив из дома кое-какой провиант» [7].

В середине 1940-х – начале 1950-х годов большой проблемой школьного образования была нехватка канцелярских принадлежностей и тетрадей. По воспоминаниям Ф. М. Судака и Н. Ф. Ефремова дети писали на обертках, на страницах старых книг и газет. Для письма использовали перьевые ручки [7, 10]. Ефремов Н. Ф. подчеркивал, что благодаря таким ручкам у учеников вырабатывался каллиграфический почерк.

Что же касается перьев, то они были разные. Школьникам до третьего класса разрешалось пользоваться только

«№ 86» – якобы с целью неухудшения почерка. Существовало множество других перьев – и в числе прочих легендарное «рондо». По словам Н. Ф. Ефремова: «Все гонялись за этим пером». Имелось народное поверье, будто оно само собой гарантирует пишущему красоту почерка.

В качестве чернил использовали сок бузины, химические таблетки, которые растворяли в воде [10]. По воспоминаниям В. А. Склифоса чернила носили в «чернильницах-непроливайках» в специальном кисете, который затягивался шнурком [17].

К 1949 году уже появились учебники, которые, по словам Ф. М. Судака и Б. И. Пиндуса, приобретались за деньги. Например, учебник по истории стоил 100 рублей [7, 8]. Однако даже платных учебников не хватало. Богдан Иванович вспоминает, что учебник по физике А. В. Перышкина на русском языке был в единственном экземпляре на всю школу [8]. Чальцев М. Н., будучи учеником четвертого класса, для выполнения домашних заданий брал учебники у одноклассника Володи Спасибухова, который жил неподалеку. Володиным родителям это не очень нравилось. «И когда мне самому надоело туда ходить, я стал поступать по-другому: брал тетрадь с классной работой, по пройденной теме придумывал 9–10 заданий, выполнял их и сдавал учителю. И всегда это проходило», – вспоминает Михаил Николаевич [9]. Как вспоминает Б. В. Намаконов: «Учебники частично покупали, частично их выдавали в школьной библиотеке. Как бы тяжело мы не жили, а школьные учебники старались все-таки, купить. Что радостно было – так это приобретение новых школьных учебников перед первым сентября» [13].

Глава 4. Воспитание подростков. Формирование мировоззрения

4.1. Участие в детских и молодежных общественных организациях

В послевоенный период государство уделяло особое внимание коммунистическому воспитанию и всестороннему развитию личности подрастающего поколения. Помощь в решении этой задачи оказывали пионерская и комсомольская организации.

В первые годы после войны молодежь Западной Украины не очень активно вступала в комсомол. Этому препятствовали, с одной стороны – определенное недоверие советской власти к жителям оккупированных территорий, с другой – страх молодежи перед оуновским подпольем. Эти тенденции нашли отражение в воспоминаниях Б. И. Пиндуса. В годы учебы его старших братьев «пионеров, как таковых, не было, в комсомол заставляли вступать принудительно». Ситуация изменилась к середине 1950-х годов. Сам Богдан Иванович окончил школу в 1956 году, и в его выпуске «школьники в основном добровольно поступали в комсомол, все были пионерами» [8].

Тяжелые условия труда и жизни, как и в годы войны, вызывали у населения потребность обращения к вере. Однако в стране в 1948–1949 гг. возобновилась антирелигиозная пропаганда, устанавливался жесткий контроль над религиозным поведением. Активно стали преследоваться коммунисты и комсомольцы, совершавшие религиозные обряды. Судак Ф. М. вспоминает, что с комсомольцами, которые «решились посетить церковь, боролись специальные наряды из представителей общественности» [7]. Молодежь пытались отлучить от церкви, организовывая различные мероприятия. Их устраивали в воскресный день, когда по религиозным канонам делать ничего нельзя. Богдана Ивановича Пиндуса едва не исключили из училища за то, что в один из воскресных дней он уехал в родную деревню, чтобы вместе со всеми ее жителями принять участие в престольном празднике местной церкви [8].

4.2. Спортивная подготовка. Кружки. Творчество

В послевоенное время воспитание подрастающего поколения осуществлялось также с помощью различных кружков по интересам. По воспоминаниям Б. В. Намаконова, кружков было много, все они были бесплатные: и танцевальные, и драматические, и кружки пения. «Я даже помню, мы в 8–9 классе ставили спектакль по Розову¹, я играл Вадима. Мы с этим спектаклем ездили по близлежащим поселкам», – говорит Борис Васильевич [13]. Николай Ефимович Черный рассказывает, что в их школе директор наказывал провинившихся учеников, отправляя их заниматься в танцевальном кружке либо петь в хоре. «Но самое интересное, что никто не бросал ни танцевальный, ни хор. У нас в школе был хор – больше пятидесяти человек. И танцевальный кружок тоже большой был. Я помню, что каждый год проводились конкурсы между школами. Всем выдавали костюмы, которые доставляли со всего Советского Союза. Мы там выплясывали – дай Боже! Эти концерты я хорошо помню». Также Николай Ефимович вспоминает, что занимался в драмкружке и играл Ноздрева – персонажа поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». Для исполнения роли ему купили новые ботинки, которые он протер до дыр, подражая походке своего героя [14].

В послевоенный период в стране активно развивались различные виды спорта: бег, плавание, стрельба т. д. Намаконов Б. В. вспоминает: «У нас в школе был стрелковый кружок. Учились стрелять из мелкокалиберных винтовок. Занимались боксом». Однако любимым видом спорта был футбол. «Футбол был во все времена и всегда. Из-за него даже забывали про уроки, опаздывали, после чего возникали неприятности» [13]. Чальцев М. Н. в школьные годы также занимался футболом, баскетболом, имел спортивный разряд по стрельбе [9]. Молодежь в селе, где проживал Б. И. Пиндус, по воскресеньям играла в волейбол и баскетбол [8].

Свой досуг дети проводили, занимаясь декоративно-прикладным творчеством и музыкой. Не имея физической

---

¹Пьеса В. С. Розова «В добрый час».

возможности заниматься спортом, Н. Ф. Ефремов самостоятельно освоил изготовление поделок из соломки: «Выкладывал картинки, делал рамочки для фотографий и шкатулки. И сестре такую шкатулочку сделал» [10]. Намаконов Б. В. в 7–8-х классах, не обучаясь специально музыке, играл на нескольких инструментах в школьном духовом оркестре. Также самостоятельно освоил игру на скрипке [13].

4.3. Организация досуга

Во многих селах не было условий для занятий спортом и творчеством, и тогда дети проводили свободное время по своему усмотрению. Как вспоминал В. А. Склифос, «ребята гоняли самодельный мяч, самостоятельно изготовленный из ветоши» [17]. Проживая в шахтерском поселке, Н. Е. Черный играл с друзьями на шахтных терриконах. Часто игру он совмещал со сбором металлолома, который сдавал на пункт приема [14].

Зимой дети катались на лыжах и коньках. Ефремов Н. Ф. вспоминает, что катались на коньках, которые остались с довоенного времени, и сделанных из досок лыжах. «Хватало времени на все. К вечеру, набегавшись, еле доползали до кроватей», – говорит Николай Федорович [10]. Судак Ф. М. объясняет, что представляли собой самодельные коньки и как на них катались: «Мы носили деревянные коньки, набивали на них прут, сделанный из косы или проволоки. Катались на одном коньке, другой ногой отталкивались» [7]. Настоящие металлические коньки появились у Федора Марковича только в 9 классе. Также он вспоминает, что катание на коньках по льду замерзшего водоема было достаточно опасным. Дети часто проваливались под лед и помогали друг другу выбраться. Такая взаимопомощь была обычным делом и не считалась геройством [7].

После войны дети много и с удовольствием читали. Как подчеркивает М. Н. Чальцев, книга «открывала дверь в «Большой Мир», была практически единственной возможностью общения с ним [9]. Ефремов Н. Ф. вспоминает, что маме даже приходилось отрывать детей от чтения для вы-

полнения работы по дому. Она говорила: «Что вы там все книжечки читаете, прекращайте, занимайтесь делом» [10].

Все респонденты отметили, что читать научились рано с помощью старших братьев и сестер. Поступив в школу в пятилетнем возрасте, научился читать Б. И. Пиндус [8], в шестилетнем возрасте уже умел читать В. В. Ставцев. Он знал наизусть 36 стихотворений, счет которым строго вел его дедушка. Из школьного детства Валерию Васильевичу запомнились книги: «Грюнвальдская битва» А. Андреева, «Собор Парижской богородицы» Виктора Гюго [5].

Книги в основном брали в школьных, поселковых и районных библиотеках. О школьных библиотеках вспоминают Н. Е. Черный [14] и В. А. Склифос [17]. Чальцев М. Н. вспоминает, что «восстановленная школьная библиотека была очень бедной» [9]. Богдан Иванович Пиндус ходил читать книги в хату-читальню, которая действовала в их селе [8]. Намаконов Б. В. брал книги в поселковой библиотеке. В первую очередь это были военные книги – «Порт Артур» А. Н. Степанова, «Знаменосцы» О. Гончара. В старших классах Борис Васильевич увлекался приключенческой литературой. Читал «Дети капитана Гранта» Жюль Верна, «Приключения Шерлока Холмса» Артура Конан Дойла [13]. В библиотеку, которая находилась в районном центре, за несколько километров от дома, по любой погоде ходил с друзьями Н. Ф. Ефремов. Он вспоминает весеннюю распутицу, когда приходилось ходить по колено в грязи, и дети очень уставали [10]. Высоцкому С. П. книги в качестве подарка покупала мама. Сергею Павловичу запомнилось, что это были «Два капитана» В. А. Каверина, романы Чарльза Диккенса и «что-то из поэзии» [12].

Как вспоминает М. Н. Чальцев, дети также брали книги у соучеников, в семьях которых с довоенных времен сохранилась художественная литература: «Книгами обменивались. Давали книгу на два-три дня» [9]. Чтобы успеть вернуть книгу в срок, ее читали по ночам. Далее Михаил Николаевич рассказывает, какие трудности приходилось преодолевать при этом: «Бабушка бдела семейный бюджет, и время от времени ночью с назиданиями выключала свет. Приходилось дожидаться первого ее похрапыва-

ния, чтобы снова включить свет и читать. В шахтном поселке часто в электросети падало напряжение. Электролампочки едва светились под потолком. В таких случаях я тайком на кухне строил «пирамиду»: стол, на столе – табурет, на табурете – стульчик. Взбирался на самый верх. И таким образом с книгой оказывался под самой лампочкой. Можно было смутно видеть строчки. Часто бабушка с более серьезными увещеваниями разрушала читательскую «идиллию». Таким образом были перечитаны «Цусима» А. С. Новикова-Прибоя, «Угрюм-река» В. Я. Шишкова, все «индейцы», морские приключения, и многое-многое другое» [9].

Особую радость детям доставляли просмотры художественных фильмов. В большинстве сел стационарных кинотеатров не было. Фильмы демонстрировали приезжающие кинопередвижки. Их подробно описал в своем интервью В. А. Склифос: «Что такое передвижка? Военная передвижная электростанция и киноаппарат. Эта техника перевозилась на больших санях, которые были прицеплены к гусеничному трактору» [17]. Память «детей войны» сохранила название любимых фильмов: «Тарзан» (на его просмотр, по словам Н. Ф. Ефремова, дети шли толпой [10]), «Два бойца», «Кубанские казаки», «Сталинградская битва», «Падение Берлина» (жители деревни, в которой проживал В. А. Склифос, смотрели его всю ночь, сидя на земле [17]).

Что касается радио, то до середины 1950-х годов оно не могло в полной мере заполнить досуговое пространство детей. Намаконов Б. В. помнит о наличии радио в поселке Южно-Енисейск Красноярского края в 1945 году: «Радио, конечно, было. Поселок был радиофицирован. Узнали о победе по радио простейшей конструкции» [13]. В большинстве населенных пунктов радиоточек не хватало. Единственное радио на столбе в центре поселка шахты «Комсомолец» г. Горловки помнит М. Н. Чальцев [9]. Массовая радиофикация сельской местности началась с 1954 года, когда было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мероприятиях по дальнейшему развитию и завершению радиофикации сельской местности». Богдан Иванович Пиндус рассказывает: «Радио появилось у нас где-то в 1954–1955 году. Колхоз построил в деревне радиоузел. За-

везли оборудование, провели линию, во все хаты точки поставили. Везде были радиоточки – такие бумажные черные динамики» [8].

По-прежнему неотъемлемой частью детской повседневности выступали игровые практики. Вспоминает М. Н. Чальцев: «Мое сознательное детство началось в 1946 году. Игрушек, как таковых, у меня не было. Запомнилась деревянная лошадка, свистулька в виде соловья: ее я получил от приезжего старьевщика в обмен на какие-то ненужные вещи. К счастью, у нас были щенки – это радость такая для детей! Еще помню трехколесный велосипед. Его хозяином, наверное, был соседский хлопец. Я же почему-то считал, что игрушка моя. Каждый из нас старался с вечера оставить велосипед у себя во дворе. Тогда наутро он был в твоём полном распоряжении» [9].

Некоторые игры оставались неизменными с военного времени. По-прежнему популярной была игра в «войнушку». Николай Федорович Ефремов вспоминает, что эту игру дети часто совмещали с полезным делом: пасли в это время коров [10]. Играли также в «Чапаева», лапту, городки, «казаки-разбойники».

Проводя большую часть свободного времени на улице, дети часто подвергали себя большой опасности. Угрозу для их жизни и здоровья представляли боеприпасы и военная техника, во множестве оставшиеся на улицах и в окрестностях населенных пунктов после окончания войны. Чальцев М. Н. рассказывает: «Летом 1955 года, перед седьмым классом, я был в пионерском лагере в Святогорске. Там с ребятами ходили по лесу, искали порох и патроны. Однажды в районе железнодорожной станции нашли снаряд, в майке принесли его в лагерь, собирались разрядить. Но не решились. Отнесли его в лес и засыпали в яме» [9]. Ефремов Н. Ф. хорошо запомнил небольшой металлический ящик, доверху наполненный патронами. «Старшие хлопцы набирали из него полные карманы патронов, а потом стреляли. Я, наученный горьким опытом, участия в таких делах не принимал. Был самый дисциплинированный» [10].

Дети массово гибли и становились инвалидами в результате неосторожного обращения с оружием и боеприпа-

сами. Пострадал и В. А. Склифос. Приведем его воспоминания: «У нас в селе до 1955 года стояла разбитая колонна танков. И все наше детство прошло вокруг этих танков. Старшие ребята снимали с них разные запчасти, а мы, малыши, вертелись рядом. Мне в 1948 году было четыре года. Что я мог соображать? Однажды я забрался в танк, внутри которого кувалдой орудовал мальчишка. Прогремел взрыв. Три человека погибли. Нескольким руки-ноги оторвало. Мне выбило глаз». Далее Вадим Андреевич с грустью подытожил: «Боже мой, сколько детей погибло в то время!» [17]. Михаил Николаевич Чальцев рассказывает, как погиб Борис Прохоров – парень из параллельного класса, который был заядлым поисковиком. В 1955 году он отправился на каникулы к бабушке в Смоленск. Там нашел снаряд, попытался его разрядить и погиб от взрыва [9].

Не только дети, но и взрослые не осознавали порой опасности, которую таили в себе боеприпасы. Так, бабушка В. В. Ставцева пропаривала бочки для засолки овощей с помощью раскаленных в русской печи осколков снарядов, но после взрыва одного из них эти «опыты» прекратила [5].

Глава 5. Социализация детей в послевоенные годы

5.1. Взаимоотношения с соседями

В послевоенные годы жесткий контроль со стороны государства и общественности устанавливался за семейными отношениями. Свообразными контролерами за соблюдением порядочности в отношениях выступали соседи. Об этом вспоминает М. Н. Чальцев: «Мы все друг друга знали, и совершить неприглядный поступок на виду у кого-то было стыдно. Сразу скажут: «Это чей малый? Так ведь Чальцева». То есть мое поведение могло бросить тень на репутацию родителей. Этого я допустить не мог» [9].

Конечно, соседи чем могли – помогали друг другу. Михаил Николаевич Чальцев рассказывает: «Помню, меня мама посылала к соседям за жаром для растопки печи. Было обидно, когда, возвращаясь домой с горящими угольками на лопатке, вдруг спотыкался и падал. Приходилось идти к соседям еще раз. Делились, безусловно, и тем, что выросло в огороде». Детская память Михаила Николаевича сохранила поступок друга его отца, который работал на хлебозаводе и однажды привез детям «пять булочек, по форме напоминающих птичек. О, как они пахли маслом! Вот это был праздник!» [9]. В своих воспоминаниях Михаил Николаевич коснулся и вопроса об отношениях соседей разных национальностей: «У нас в семье никогда не звучало в чей-то адрес слово «хохол». Люди жили одной семьей, доверяли друг другу» [9]. Об отсутствии агрессии в отношениях между соседями говорит и Б. В. Намаконов: «Мы жили на краю поселка, где было домов 30–50. Все знали друг друга прекрасно. Никаких замков не было, никакого воровства, никаких преступлений. Со всеми соседями дружили. Были, разумеется, какие-то размолвки, но не было вражды» [13]. Судак Ф. М. и Ефремов Н. Ф. вспоминают, что соседи вместе отмечали праздники [7, 10].

Таким образом, все респонденты единодушны в том, что в сельской местности соседи играли немаловажную роль друг для друга, и между ними выстраивались дружеские отношения.

5.2. Отношение к военнопленным

По мере освобождения оккупированных областей и республик СССР на их территории строились лагеря для военнопленных, которые продолжали свою деятельность до середины 1950 годов. О существовании такого лагеря в поселке Южно-Енисейск Красноярского края РСФСР рассказывает Б. В. Намаконов: «У нас после войны был организован лагерь для военнопленных немцев. Он был огорожен прочным забором. Военнопленных водили под конвоем вооруженных автоматами солдат. Это был примерно 1950 год. После 1950 года военнопленных уже начали отпускать домой» [13]. Лагерь для военнопленных действовал и в поселке шахты «Комсомолец» г. Горловки Сталинской области УССР, где проживал М. Н. Чальцев. Размещался он в построенном до войны жилищном кооперативе и просуществовал до конца 1952 года. Лагерь был огорожен колючей проволокой и охранялся собаками [9].

Бывшие солдаты армий гитлеровского блока трудились в советском тылу там, где не хватало рабочих рук. Пленных можно было увидеть на лесоповале в тайге, на колхозных полях, у станков, на стройках. В поселке, где проживал Б. В. Намаконов, труд военнопленных использовался на стройке, но в первую очередь на лесоповале. Они заготавливали дрова, чтобы обеспечить работу золотодобывающих драг и электростанции, оснащенной четырьмя паровыми котлами. «На каждую машину в день нужно было по двадцать кубометров леса. Его валили, резали, кололи метровые чурки, потом сушили. Возили бревна на лошадях и выгружали на огромных полях, окружавших электростанцию», – вспоминает Борис Васильевич [13].

В шахтерском поселке г. Горловки, как рассказывает М. Н. Чальцев, военнопленные работали на восстановлении объектов народного хозяйства. Они обеспечивали стройку песком: брали его в близлежащей балке, грузили на платформы с деревянными колесами и вручную тащили по улице. В 1951 году в лагере появился грузовик ЗИС-5, и военнопленные стали перевозить на нем песок [9].

Отношение к военнопленным со стороны советских граждан в большинстве случаев было более-менее корректным. По словам Б. В. Намаконова, относились к ним «как к врагам, но никакой кровожадности не было – знали, что враги работают. У нас с ними контактов практически не было». Агрессия по отношению к пленным была редким явлением. Борис Васильевич вспоминает, что мальчишки иногда дразнили некоего «Леву-немца, танкиста» [13].

Жители сел и городов часто демонстрировали понимание и человечность по отношению к военнопленным. В условиях нехватки продовольствия отдавали им часть своих продуктов питания. Об этом рассказывает М. Н. Чальцев: «Их жалели, в голодные послевоенные годы делились, чем могли. Кто-то, например, выносил картошку». Местные мальчишки ловили в ставке лягушек и подкармливали ими содержащихся в лагере итальянцев. Так поступал и брат Михаила Николаевича, которому на тот момент исполнилось 14 лет: «Пойдет, наловит этих лягушек целую сумку, штук 20, и с разрешения охранника бросает их в кузов машины, на которой пленные перевозили песок. Они лягушек ловили, обкатывали в песке и перекладывали в сумку. Очевидно, для военнопленных эти лягушки представляли определенную ценность, были деликатесом: не выбросили даже ту, которая попала в резиновое ведро, заполненное маслом. Ее также обкатали в песке и отправили в сумку к остальным» [9].

Большинство военнопленных в лагерях вели себя дисциплинированно и, как вспоминает Б. В. Намаконов, с боязнью. «Они, конечно, все нас боялись, боялись сделать что-нибудь противоправное. Тогда бы их ожидало наказание: расстрелять – не расстреляют, но, по крайней мере, домой не отпустят, а могли и судить. Поэтому они относились к нам так же, как и мы к ним: никакого доброжелательства не было. Фашисты они и есть фашисты. Кто их звал?». Борис Васильевич вспоминает такой случай: «Один из наших мальчишек – Вовка Витшагин что-то сказал Леву-немцу. И тот в ответ схватил камень и бросил в обидчика. Конечно, не попал и был этому рад. Однако побледнел и страшно испугался» [13].

5.3. Праздники

Праздники в послевоенный период отмечались детьми с таким же желанием и ожиданием чуда, как и ранее. В Западной Украине по преимуществу отмечали религиозные праздники. О том, как их отмечали, вспоминает Ф. М. Судака: «Пекли пироги, готовили разные яства. Приходили родственники, их угощали. Пили, как правило, самогон, других напитков не признавали. Все отмечали праздники по-разному – в силу возможностей. Во всяком случае, на работу старались не ходить» [7]. Хотя празднование религиозных праздников советской властью не поощрялось, тем не менее Рождество и Пасху, как вспоминают респонденты, праздновали также и в Донбассе, и в Сибири.

Разным было отношение к советским праздникам. Если в Западной Украине советские праздники, по словам Ф. М. Судака, «делали вид, что отмечали» [7], то на Днепропетровщине, в Донбассе и в Сибири их праздновали с особым душевным подъемом. Вспоминает Б. В. Намаконов: «Первое Мая – все красно. Улица красна, все радуются. На седьмое ноября, в День Октябрьской революции, проводились демонстрации, митинги. День Победы – тоже праздник, праздник со слезами на глазах. Восьмое марта, разумеется. Все праздники отмечали очень дружно. Во дворе собирались люди, соседи выносили стол и устраивали застолье» [13]. Любимым праздником, по-прежнему, оставался Новый год.

5.4. Известие о смерти И. В. Сталина в детском восприятии

Известие о смерти И. В. Сталина потрясло всех в стране, особенно детей. Намаконов Б. В. вспоминает: «В 1953 году, когда умер Сталин, в школе нас построили на линейку. Навзрыд плакали все учителя. Это было от души – все плакали. Невозможно даже передать. Это была очень большая трагедия» [13]. Как реагировали на смерть вождя в Западной Украине рассказывает Б. И. Пиндус: «Когда в марте 1953 года умер Сталин, – что было! Как переживали! Действительно народ плакал, хоть и «западники», все равно плакали. А учителя – тем более, они же были не деревенские, приезжие» [8].

Послесловие

С началом Великой Отечественной войны все население советской страны было вовлечено в постоянную борьбу за выживание. Советские граждане боролись против фашистского агрессора, делая все для победы. Жизнь человека во время войны была насыщена пограничными ситуациями, сменяющимися друг друга. Это оказывало воздействие на общество, существенно влияло на психологию людей и их восприятие повседневности: мирный уклад сменился военным. Каждый житель находился в ожидании неизбежной беды, которую несла война. Повседневные реалии, которые и в довоенное время нельзя было назвать идеальными, во время войны становились все более и более мрачными. Война стала настоящей трагедией как для всего общества, так и его части – детей. Дети и война – это несовместимые понятия. Дети символизируют жизнь, радость, счастье. А что такое война? Это – смерть, разрушение всего, что создано. Это большое человеческое горе, потери близких людей, всего, что было дорого. Это требование бороться с врагом, мобилизоваться и выжить, оставаясь человеком, полезным обществу. Война, которая обрушилась на нашу страну, поставила новые задачи: уничтожить врага, сохранить достижения общества и человеческие жизни и, главное, – сохранить жизни детей.

В последнее время «дети войны», как поколение, становятся объектом все большего внимания со стороны исследователей Великой Отечественной войны. Сейчас они все чаще выступают как последние свидетели, которые еще могут описать свой жизненный опыт военных лет в воспоминаниях, интервью и рассказах. Эти сведения очень ценны для реконструкции военной повседневности.

В ходе проведенного исследования, результаты которого нашли свое выражение в книге, были использованы интервью преподавателей и сотрудников Автомобильно-дорожного института ГОУВПО «ДОННТУ». Они представляют собой уникальный комплекс источников, в которых отразились многие обстоятельства жизни детей страны накануне, во время и по окончании Великой Отечественной войны. При использовании текстов интервью учитыва-

лись «особенности восприятия человеком своей прожитой жизни, вследствие которых детские годы, как правило, идеализируются, изображаются в более ярких красках и тонах, чем события последующей взрослой биографии, а также перенос в прошлое респондентом своих более поздних представлений. Детские впечатления оказываются «пропущенными» сквозь весь последующий жизненный опыт конкретного человека и сложившиеся в обществе представления» [22, с. 295].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что война существенно повлияла на мир детства. Новым содержанием наполнились взаимоотношения детей со взрослыми. В памяти «детей войны» отразились разные образы взрослых, с которыми они сталкивались во время Великой Отечественной войны. Это прежде всего родители и близкие родственники. Семья в первую очередь определяла условия и возможности выживания детей. Взрослые ее члены обеспечивали детям кров и еду, защищали от различных опасностей как на захваченной противником территории, так и в советском тылу. В то же время дети становились свидетелями случаев неповиновения оккупантам, сочувственного отношения к советским партизанам со стороны близких.

В условиях войны мир взрослых людей, с которыми приходилось контактировать детям, стал более разнообразным. Детская память сохранила имена односельчан, которые пошли на сотрудничество с немцами. В отношении к солдатам вермахта нет однозначности. С одной стороны, о них вспоминают как о врагах, вызывающих чувство страха. С другой стороны, память принявших участие в опросе не сохранила зверств по отношению к мирному населению, детям. Более того, встречаются воспоминания о «добрых» немцах. Динамика образов, очевидно, определялась непосредственным общением с конкретными немецкими солдатами и офицерами, в ходе которого враждебность могла как усиливаться, так и уменьшаться.

Влияние войны испытали и другие аспекты детской повседневности. Существенно снизились возможности удовлетворения многих базовых потребностей, включая потребности в пище, одежде и обуви, досуге и отдыхе. Значительное снижение уровня жизни способствовало выработке

новых поведенческих практик. Дети стали быстрее ощущать себя взрослыми: практически всем пришлось с ранних лет выполнять домашние обязанности, помогать взрослым в воспитании младших братьев и сестер, снабжать семью водой, ухаживать за домашними животными.

Условия военного времени породили собственные стратегии выживания детей, вырабатывавших свои способы и механизмы преодоления различных экстремальных ситуаций. В первую очередь к ним относились игры и праздники. Они стали одним из главных средств, позволявших психике ребенка пережить кошмар происходивших вокруг совсем недетских событий: условия оккупации, смерть родных и близких, голод и многочисленные страдания.

Мечты детей также были обусловлены военным временем. Их концентрированное выражение заключалось в главном – чтобы закончилась война.

В послевоенные годы в обществе происходили большие перемены, связанные с формированием комплекса надежд и ожиданий после победоносного завершения Великой Отечественной войны. Эти ожидания стали основой выживания для взрослых и детей.

Однако опьяняющий дух Победы постепенно развеялся. Воспоминания «детей войны» помогли воссоздать тяжелую жизнь многострадальной советской деревни: колхозную систему, бесправие крестьян, низкий уровень социальной защиты населения.

Страна по-прежнему находилась в тяжелейших условиях: не хватало жилья, одежды, обуви. Жилищно-бытовые условия, в которых проживали дети, были не всегда удовлетворительными и зависели от материального достатка семей. Конечно, с завершением войны и возвращением мужчин с фронта многим семьям стало жить легче.

Неизгладимый отпечаток в детской судьбе и памяти оставил голод 1946–1947 гг. Лишь к концу 1940-х – началу 1950-х годов постепенно начали происходить положительные изменения в рационе детей. В условиях нехватки продуктов питания выживать помогало приусадебное хозяйство.

Воспитанию детей в семье отводилась значительная роль. Крепкие семейные взаимоотношения между поколениями были той основой, на которой происходило их

взросление. Именно дома ребенок усваивал социальные нормы. Трудности послевоенной жизни вынуждали многих детей и подростков рано начинать работать. К труду они приобщались в домашнем хозяйстве, в школе. Из-за нехватки людских ресурсов их труд использовался в колхозах. В процессе работы происходило нравственное, идейное и политическое воспитание подрастающего поколения.

С постепенным переходом к мирной жизни детский труд становился менее востребованным, и к началу 1950-х гг. у детей появилось значительно больше возможностей получить образование. Государство делало все для улучшения материально-бытовых условий в образовательных учреждениях, решало ряд вопросов, направленных на повышение качества подготовки педагогических кадров.

Школа, детские и юношеские общественно-политические организации, спортивные секции и кружки стали главными социализирующими институтами, которые взяли на себя нагрузку по научению ребенка официальным моделям поведения, нормам и ролям. В школе, помимо усвоения знаний, у детей и подростков формировались основные навыки общения и взаимодействия, завязывалась дружба и товарищество.

Идеологическая пропаганда и воспитательная работа способствовали формированию гражданской гордости за свою страну, ее Победу и культуру. Патриотизм и сильнейшие гражданские чувства реализовались в духовной сфере, где дети и подростки, компенсируя бедность и материальные лишения, обращались к литературе, музыке, кино, декоративно-прикладному искусству. Досуг детей выстраивался как с учетом географического положения их населенных пунктов, так и наличия материальных и физических возможностей для их самореализации – занятий спортом, творчеством и т. п.

Игровая сфера детей в послевоенные годы была богатой и насыщенной. Разнообразные формы игровой деятельности стали одним из важных элементов советской детской субкультуры послевоенных лет. Свою реализацию она нашла на улице и во дворе, где дети, в зависимости от возраста, усваивали еще большее количество сценариев становления идентичности.

Социализация детей и подростков происходила также во взаимоотношениях с соседями. Характерной особенностью сельской жизни была общинность. Специфика этого периода заключалась в том, что деление людей по социальному и национальному признаку имело минимальное значение для подрастающего поколения. Проживая рядом с действующими в их населенных пунктах лагерях для военнопленных, дети демонстрировали, с одной стороны, отношение к военнопленным как к врагам, с другой – гуманизм и милосердие – качества, органично присущие русскому народу.

Мир детской повседневности скрашивали советские и религиозные праздники. К празднованию первых дети активно привлекались государством, молодежными общественно-политическими организациями, школой. От вторых дети активно отсекались властью в ходе очередной кампании борьбы с религией.

В целом дети и подростки послевоенных лет быстро адаптировались к меняющемуся послевоенному миру, рано выросли, но при этом оставались детьми. Они воспитывались в ценностях своей эпохи: коллективизма, «равенства в нищете», солидарности, патриотизма.

Большинство «детей войны», принявших участие в социально-исследовательском проекте «Детство, опаленное войной», оказались единодушны в оценке послевоенного детства. С одной стороны, все признают, что детство было очень тяжелым. Но с другой, – считают его хорошим (Б. И. Пиндус) [8]. Приведем слова М. Н. Чальцева: «Все проходило, все прошло. Я хочу сказать, что никогда в своей жизни я не сожалел и не думал с грустью о своем детстве. Оно было у меня прекрасным» [9].

Список источников и литературы

- 1 Дети войны: воспоминания о тыловой повседневности. – Текст: электронный. – URL: <http://детивойны42.рф/about/> (дата обращения 13.01.2019).
2. Гострый, М. Детство, опаленное войной / М. Гострый, А. Загоруйко // VIII открытый общегородской конкурс научных работ молодых исследователей истории по проблемам Второй мировой и Великой Отечественной войн. – Горловка : АДИ ГОУВПО «ДОННТУ», 2019. – 44 с.
3. Гострый, М. Детство, опаленное войной. Послевоенная повседневность / М. Гострый // Первый международный конкурс научных работ молодых исследователей истории по проблемам Второй мировой и Великой Отечественной войн. – Горловка : АДИ ГОУВПО «ДОННТУ», 2020. – 60 с.
4. В ДНР озвучили общее число погибших с начала конфликта в Донбассе. – Текст электронный. – URL: <https://www.interfax.ru/world/684174> (дата обращения 30.03.2020).
5. Интервью с В. В. Ставцевым // Личный архив М. А. Шипович. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДОННТУ», 27.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч 20 мин; интервьюеры – А. Черный, Ф. Молозин; транскрипция – А. Загоруйко.
6. Оккупационный режим, организация «немецкого порядка» на оккупированной советской территории // Наука. Общество. Оборона. – Текст : электронный. – URL : <https://www.no-journal.ru/> (дата обращения 20.03.2019).
7. Интервью с Ф. М. Судаком // Личный архив М. А. Шипович. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДОННТУ», 21.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч 20 мин; интервьюеры – А. Черный, Ф. Молозин; транскрипция – М. Гострый.
8. Интервью с Б. И. Пиндусом // Личный архив М. А. Шипович. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДОННТУ», 28.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч 20 мин; интервьюеры – А. Лахнова, Д. Молчанов; транскрипция – А. Загоруйко.

9. Интервью с М. Н. Чальцевым // Личный архив М. А. Шипович. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДОННТУ», 14.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 3 ч 20 мин; интервьюеры – А. Черный, Ф. Молозин; транскрипция – М. Гострый.

10. Интервью с Н. Ф. Ефремовым // Личный архив М. А. Шипович. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДОННТУ», 21.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч 20 мин; интервьюеры – А. Есипова, А. Охрименко, А. Лахнова; транскрипция – М. А. Шипович.

11. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. / Н. Мюллер. – Текст: электронный. – Москва : Воениздат, 1974. – 387 с. – URL : http://militera.lib.ru/research/muller_n/index.html (дата обращения 24.03.2019).

12. Интервью с С. П. Высоцким // Личный архив М. А. Шипович. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДОННТУ», 18.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 2 ч 20 мин; интервьюеры – А. Есипова, А. Охрименко, А. Лахнова; транскрипция – М. А. Шипович.

13. Интервью с Б. В. Намаконовым // Личный архив М. А. Шипович. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДОННТУ», 19.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч 20 мин; интервьюеры – В. Бриллиантов, Д. Зеленский, Д. Молчанов; транскрипция – М. А. Шипович.

14. Интервью с Н. Е. Черным // Личный архив М. А. Шипович. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДОННТУ», 20.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч 20 мин; интервьюеры – А. Черный, Ф. Молозин; транскрипция – М. Гострый.

15. Коренюк, В. М. Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени (по материалам Молотовской области) : специальность 07.00.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В. М. Коренюк. – Пермь, 2017. – 293 с.

16. Зубкова, Е. А. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. 1945–1953 / Е. А. Зубкова. – Москва : РОСПЭН, 2000. – 232 с.

17. Интервью с В. А. Склифосом // Личный архив М. А. Шипович. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДОННТУ», 20. 12. 2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч 20 мин; интервьюеры – В. Бриллиантов, Д. Зеленский, Д. Молчанов; транскрипция – А. В. Загоруйко.

18. Пашуто, А. В. Становление и проблемы развития пенсионного обеспечения и других форм материальной помощи участникам Великой Отечественной войны и семьям погибших воинов в 1943–1956 гг. / А. В. Пашуто – Текст: электронный. // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2018. – № 9. — URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/161590124.pdf> (дата обращения 14.04.2020).

19. Гамидуллаева, Х. С. Уголовная ответственность за хищение социалистической собственности в СССР в 1930–1940-х гг. /Х. С. Гамидуллаева – Текст: электронный.//Ленинградский юридический журнал. – 2007. –№ 4. – С. 161 – 165. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-hischenie-sotsialisticheskoy-sobstvennosti-v-sssr-v-1930-1940-h-gg> (дата обращения 14.04.2020).

20. Константинов, Н. А. История педагогики // Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаета. – Москва : Просвещение, 1982. – 447 с.

21. 62 года назад была отменена плата за обучение в старших классах школы. – Текст: электронный. – URL: – <https://newizv.ru/news/society/07-06-2018/62-goda-nazad-byla-otmenena-plata-za-obuchenie-v-starshih-klassah-shkoly> (дата обращения 09. 12. 2019).

22. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина [и др.] ; Южный научный центр Российской академии наук. – Волгоград : Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 336 с.

Шипович Марина Анатольевна

**ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ.
Повседневная жизнь детей
в военные и послевоенные годы
(1941–1955 гг.)**

Ответственная за выпуск: Н. Ф. Курган

Подписано к печати 23.04.2020 г. Бумага офисная.
Гарнитура «Bookman Old Style». Печать – лазерная.
Уч.-изд. л. 5,25. Усл. печ. л. 5,06
Заказ № 68. Тираж 50 экз.

Отпечатано в Автомобильно-дорожном институте
ГОУВПО «Донецкий национальный технический университет»
84646, г. Горловка, ул. Кирова, 51.
Тел.: +380(624) 55-82-08, e-mail: print-adi@adidonntu.ru

Свидетельство о государственной регистрации ДНР
Серия АА 03 № 029192 от 7 апреля 2016 г.